

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/1665755>

Укрощение Мегеры

Направленность: Гет

Автор: Елена Девальд (<https://ficbook.net/authors/450886>)

Беты (редакторы): Tani4 (<https://ficbook.net/authors/11307>)

Фэндом: ЕХО - К/М, Lu Han (кроссовер)

Пейринг или персонажи: ЕХО, оригинальные персонажи

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Повседневность, POV, AU

Предупреждения: OOC, OЖП

Размер: Макси, 73 страницы

Кол-во частей: 11

Статус: закончен

Описание:

Ким Дахи — заведующая отделением неотложной помощи в больнице Арым. После мучительного бракоразводного процесса, единственным спасением для Дахи становится её любимая работа, которой девушка посвящает всю себя без остатка. Ей 28 лет, она талантлива и трудолюбива, но резкий нрав сослужил ей плохую службу, а больница переполнена мерзкими сплетнями о личной жизни Дахи. Хрупкий мирок молодой начальницы даёт трещину, когда в отделении появляются красавчики-интерны.

Посвящение:

Касси и тем, кто пройдёт вместе с нами этот путь длиною в миди.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Профиль автора на ваттпад: https://www.wattpad.com/user/Elena_Dewald

ТОС

ТОС	2
Глава 1.	3
Глава 2.	9
Глава 3.	16
Глава 4.	23
Глава 5.	30
Глава 6.	38
Глава 7.	44
Глава 8.	52
Глава 9.	59
Глава 10.	66
Глава 11.	73
Примечание к части	79

Глава 1.

Я нерешительно замерла перед небольшим зеркалом, висящим в служебном туалете, разглядывая свою густую шевелюру.

— Что это? Седой волос? В двадцать восемь лет? — тяжело вздыхая, мысленно перебрала причины преждевременной седины.

Наследственность? Недостаток пигмента меланина? Стресс?

— Стресс, — кивнув, я согласилась с собственным выводом и попыталась решить — выдёргивать серебристого предателя или нет.

В последнее время стресс — мой постоянный спутник, потому что работу заведующей отделением неотложной помощи нельзя назвать спокойной. А несколько недель назад в мою больницу, в мой маленький уединённый мирок вторглись четыре интерна. До Кёнсу, О Сехун, Ли Хеми и Пак Чанёль шумной толпой свалились мне как снег на голову, не давая опомниться.

Крутанув кран с холодной водой, я по привычке потянулась к безымянному пальцу левой руки, тут же одёрнув себя. Я уже четыре месяца как разведёнка, обручальное кольцо и вовсе полгода не ношу, но от старых привычек избавиться до сих пор не в силах.

— С Ким Чонином у нас только фамилии одинаковые. Больше ничего общего, — зачем-то сообщила своему отражению.

Сполоснув руки, я выключила воду.

Живы ли мои чувства к Чонину? Нет, нет и ещё раз нет.

Последние несколько месяцев брака были настоящим кошмаром. Бывший муж сделал всё, чтобы уничтожить бережно возвращенное мной чувство любви и привязанности. Растоптал, унизил и забыл.

После развода я была просто разбита. Собирала себя по частям, как мозаику, но одного кусочка не могу найти до сих пор. Может, это Чонин его где-то припрятал? Козёл.

Мой бывший — коллекционер женских сердец и похититель фрагментов чужих мозаик. Форменный кретин.

Что мы имеем в итоге?

Я Ким Дахи. Двадцать восемь лет, заведующая отделением неотложной помощи в больнице Арым. Разведена. И с интернами.

Неудивительно, что у меня ранняя седина.

Освежившись, пошла в ординаторскую, чтобы проверить свой зверинец. В комнате не

было никого, кроме мирно спящего До Кёнсу. Видимо, задремал, пока читал истории болезней наших пациентов.

Беззастенчиво разглядывала его спокойное детское личико и не могла поверить, что ему на самом деле двадцать три года.

Малыш Кёнсу всегда внимательно слушает и с блеском выполняет все мои поручения. Он спокойный и аккуратный, никогда не спешит с выводами, даже если кажется, что диагноз пациента очевиден. Если Ли Хеми, наша единственная девушка-интерн, постоянно забрасывает докторов и медсестёр вопросами, то Кёнсу предпочитает вычитывать необходимую информацию в медицинской литературе.

К посторонней помощи парень не прибегает, зачитываясь учебниками и журналами ночи напролёт, из-за чего теперь и спит в ординаторской в разгар рабочего дня. Он никому не рассказывает об этом, но я часто замечаю, как парень прячет в свой рюкзак очередной специализированный журнал.

— И чего вы такие красивые в медицину рвётесь? — спросила я, собрав с дивана истории болезней, словно разбросанные игрушки после наигравшихся детишек. — Грех такие мордашки под масками прятать!

Хотя с Кёнсу-то всё было ясно. Его отец работает в Центре Медицинских Исследований имени Джонса Хопкинса в Балтиморе, мать интерна — пластический хирург, в чьих клиентах числится половина корейских звёзд, а дед Кёнсу — очень известный отоларинголог. Вопрос о выборе будущей профессии выходца из семьи врачей никогда не беспокоил.

Можно сказать, что До Кёнсу — мой любимчик, хоть и стараюсь не раскрывать свой секрет. Не положено такой суровой начальнице иметь фаворитов среди интернов, зато разрешается в открытую ненавидеть менее удачливых коллег Кёнсу.

Тут сразу вспоминается О Сехун — сын главврача. Самый невозможный, самый ненавистный мне человек во всей больнице Арым. Он для меня что красная тряпка для взбесившегося быка. Дерзкий лицемер, во всю пользующийся положением папочки, умудрился очаровать добрую половину женского персонала больницы своей неизменной вежливостью и взглядом из-под полуопущенных ресниц.

Сехун — парень неглупый, из него вполне может выйти толковый специалист, но он привык всего добиваться с помощью красивого личика и папиного кошелька. На безалаберные выходки О Сехуна закрывают глаза все, кроме меня. Так началась наша с Сехуном холодная война.

Но моя главная головная боль — врач-интерн Пак Чанёль. Молодой человек всегда выглядит так, словно нашёл где-то залежи волшебной травы и улетел за тридевять земель. Неуклюжий, шумный и очень безответственный Чанёль умудрился поставить с ног на голову всё отделение неотложной помощи, с невиданной скоростью выстреливая шутками.

Рыжая лопухая башня в помятом халате. Не думаю, что парень осознает всю важность

выбранной им профессии. Клянусь, он у меня до самого окончания интернатуры будет выносить утки, ставить клизмы и драить полы. Серьёзную работу этому балбесу доверять нельзя. Его ошибки могут стоить человеку жизни.

— Вставайте, доктор До, — не выдержала я и прикрикнула на спящего парня. — Всю жизнь проспите!

Бедняга-интерн резко подскочил, удивленно уставившись на меня. Этот мальчик сделан из котят и плюшевых зайчат, на него невозможно злиться.

— Сколько времени? — рассеяно спросил Кёнсу.

— Самое время заняться пациентами!

Отчитав До Кёнсу за сон на рабочем месте, почувствовала себя злой ведьмой, отобравшей конфетку у ребёнка. Терпеливо выслушав нагоняй, доктор До схватил первую попавшуюся историю болезни и пулей вылетел из ординаторской.

До обеда я разгребала бумаги, скопившиеся на столе. Пациентов практически не было, и в отделении царила подозрительная тишина.

На пути в столовую мне не встретился ни один интерн. Аппетита почему-то не было. Я лениво ковырялась вилкой в тарелке со спагетти, когда на плечи опустились чьи-то руки, и тихий голос сладко пропел на ушко:

— Ким. Да. Хи.

— Бросьте эти шуточки, доктор Ким, — строго сказала я, сбросив с плеч шаловливые ручки Ким Чондэ, — а то по отделению поползут нелепые слухи.

Когда напротив меня садится улыбающийся мужчина, я забываю о проблемах. Кажется, у него никогда не бывает плохого настроения, а улыбка приклеена к лицу суперклеем.

Ким Чондэ — анестезиолог. Мы дружим ещё со студенческой скамьи. На первом курсе я часто становилась объектом его дурацких приколов и ни за что бы ни поверила, что к пятому курсу мы будем друзьями не разлей вода. Он моя витаминка счастья, спасательный круг, за который вечно цепляюсь. Единственный, кто всегда на моей стороне. Чондэ даже был на нашей с Чонином свадьбе, хотя мой бывший ему никогда не нравился. С его постоянной поддержкой я смогла справиться с депрессией, нахлынувшей после развода.

Если бы Чондэ не существовало, я сама бы его выдумала.

— О тебе и так вся больница судачит! — отмахнулся друг, теребя цветные ручки, выглядывающие из кармашка его белоснежного халата. — Одним слухом — меньше, одним — больше...

— Не хочется и тебя впутывать.

— Ерунды не говори! Ты боишься, как бы наш одинокий и сексуальный папаша не прознал о новом романе Ким Дахи.

Быстро просканировала взглядом столовую на наличие молодого и чертовски сексуального папочки и, убедившись, что такового по близости не наблюдается, кинула в засранца Чондэ кусочек хлеба.

— Закрыли тему! Ясно?

— Понял, — кивнул наглец, еле сдержав рвущийся наружу смех. — Больше ни слова о Лухане.

От одного упоминания имени лучшего хирурга больницы, у меня наверняка появился ещё один седой волос. Чондэ грациозно поднялся со своего места и направился за подносом для еды, оставив меня наедине с тягостными мыслями.

Я, Чондэ и Лухан учились на одном курсе, дружили. С какой стороны ни посмотри, Лухан был моей первой и абсолютно невзаимной любовью, а потом уже в мою жизнь ворвался ураган по имени Чонин.

Я вышла замуж за бедного студента и теперь вынуждена собирать то, что осталось от прежней Ким Дахи.

Лухан женился на своей школьной любви и сейчас тоже собирает по кусочкам собственное сердце. Дело в том, что его молодая жена скончалась при родах несколько лет назад, оставив мужа с малюткой Сяо Мэй совсем одних. Надо признать, он справляется немногим лучше меня.

Во снах, где всем заправляет подсознание, Лухан берёт в жёны Ким Дахи, которая рождает счастливому мужчине лапочку-дочку Сяо Мэй. И никаких Чонинов. И никто не умирает. И ни одной разбитой жизни. Больно осознавать, что подсознание так сильно ненавидит свою хозяйку, каждое утро разбивая ей сердце жестокой реальностью.

Живы ли чувства к Лухану? Нет... Не знаю... В любом случае, любовь — пройденный этап. Испытывает ли Лухан какие-нибудь чувства к Ким Дахи? Нет! Он не знает о той глупой любви, с которой я раз за разом вырисовывала имя Лухана в лекционной тетради, заключая его в сердечко. Стыдно вспомнить!

— О чём задумалась? — пропел Ким Чондэ, возвратившись на своё место с полным подносом еды.

— Давно хотела сказать, у тебя фотка на бейдже стрёмная! — засмеялась, прикрыв рот ладошкой.

Он посмотрел на болтающийся на груди бейдж и недовольно скривился:

— На свой посмотри! — показал язык мужчина.

Каким-то чудом мне удалось не рассмеяться. Ох, уж этот Чондэ! Он неисправим!

В столовую ввалилась шумная стайка интернов, выбив из головы все позитивные мысли.

— Пойду, пожалуй, — я поморщилась, как от зубной боли, вспомнив, сколько эти идиоты будут мешаться под ногами.

— Они тебя Мегерой зовут! — наябедничал доктор Ким, проследив за моим взглядом.

— Придумали бы что-нибудь пооригинальнее! — кивнула, прислушавшись к собственным чувствам.

Задело ли обидное прозвище стальную Ким Дахи? По всему выходило, что ещё как задело. С тех пор, как главврач назначил заведующей отделением неотложной помощи молодую девушку, злые языки не дают покоя. Нужно просто не обращать внимания. Обычно я так и делаю, но сейчас... Ох уж этот ПМС! В такие дни любая мелочь принимается в штыки.

Помахала Чондэ и направилась к выходу, не обратив внимания на интернов.

— В нашей больнице так кормят, что я рискую в ближайшем времени не влезть в любимые джинсы, - удовлетворенно крякнул Пак Чанёль. — У меня сердце останавливается, когда слышу слово «диета» и снова начинает биться при слове «жрать».

Ли Хеми с готовностью засмеялась, получив в ответ одобрительную улыбку Чанёля. Девушка ловила каждое его слово, смеялась над каждой идиотской шуткой, выполняла большую часть его работы и всегда буквально следовала по пятам за рыжим Паком. Медсёстры посмеивались над глупышкой Хеми, все чувства и переживания которой были как на ладони, и очень скоро дали ей прозвище Хвостик.

Только что подошедший Кёнсу тихо фыркнул. Его ужасно бесили щенячья преданность и слепое обожание, с которыми Хеми смотрела на Пака. Кажется, все в больнице знали о том, как сильно Хвостик сохнет по Чанёлю. Все, кроме самого Чанёля.

— О, наша спящая красавица проснулась! — подал голос Сехун.

— Надо было разбудить, — буркнул До Кёнсу, заняв свободное место рядом с раскрасневшейся Хеми.

— Как? Может, поцелуем? — заржал сын главврача.

Кёнсу ничего не ответил, мысленно послав надоедливого интерна в далёкое путешествие через самые глубины пищеварительного тракта. До конечной станции.

Чанёль тяжело вздохнул. Парню не нравилось, что Кёнсу и Сехун постоянно на ножах, поэтому он поднял вверх левую руку, привлекая всеобщее внимание.

Больница Арым была похожа на большой и очень шумный улей, в котором трудолюбивые пчёлки собирают сплетни гораздо охотнее, чем мёд.

— Ходят слухи, — Чанни понизил голос до заговорщицкого шёпота, — что наша Мегера — любовница главврача. Насосала себе место заведующей отделением.

Эта новость вызвала бурную реакцию сидящих за столиком молодых людей, и все взгляды мгновенно обратились на притихшего О Сехуна.

— Если всё это правда, — осторожно начал он, — то папаша до конца своих дней будет плясать под мою дудку, чтобы мать ничего не узнала!

Не успел ухмыляющийся Сехун умолкнуть, как Чанэль уже разразился диким хохотом, хлопнув приятеля по спине.

— Что за шум, а драки нет? — крикнул Чанни, внимание которого привлекла всеобщая суэта у выхода из столовой.

— Ван Данби привезли с передозировкой снотворным! — ответили Чанёлю.

О Сехун и рыжий Пак быстро переглянулись и практически одновременно кинулись к выходу, оставляя удивлённого Кёнсу и нахмурившуюся Хеми наедине.

— Кто такая Ван Данби? — поинтересовался Кёнсу, помогая девушке убрать со стола подносы, оставленные сбежавшими ребятами.

— Ты что, с Луны свалился? — хмыкнула Ли Хеми, грустно глядя на пустую коробку из-под сока Чанёля. — Ван Данби — актриса и национальная фея. Настоящая красавица.

Глава 2.

— Прикиньте! Её настоящее имя — Ван Дамбэ! — хохотал Чанёль, листая историю болезни актрисы Ван Данби.

— Хватит ржать как потерпевший, — шикнул на него До Кёнсу.

— Дамбэ! «Сигарета»! Её зовут Сигарета! — не унимался рыжий.

Громко хлопнув дверью, я подошла к умолкнувшему Паку и забрала у него историю болезни.

— Никаких записей в твиттере, никаких фотографий в инстаграме! — в сотый раз повторила я. — И не вздумайте об этом болтать! Не забывайте о врачебной тайне, иначе юристы Ван Данби нас по судам затаскают!

Интерны молча кивали, сиротливо сгорбившись на диванчике в ординаторской. Я весь день вертелась как белка в колесе. Ни одной свободной минутки. Но главное, что актрису удалось спасти. Не успела Данби прийти в сознание, как в больницу нагрянули её менеджер, ассистенты и юристы, которые, не слушая возражений докторов, увезли свою подопечную в частную больницу.

Яростно защищая пышущий здоровьем образ Данби, эти люди несколько часов терроризировали всё отделение, заставляя подписать бумаги о неразглашении состояния актрисы. Следом за командой юристов нас атаковали назойливые журналисты, которым ничего не удалось узнать, потому что врачи обязаны хранить профессиональную тайну.

— Ладно, — вздохнула я, поднимая взгляд на настенные часы, — на сегодня все свободны.

Пока интерны избавлялись от больничных халатов и вытаскивали из шкафа верхнюю одежду, я украдкой наблюдала за их вознёй.

За две недели вся больница полюбила молодых докторов, и только мне до сих пор хотелось оказаться как можно дальше от этих ребят. Персонал даже дал неугомонному Пак Чанёлю прозвище «Вирус счастья». Серьёзно? Если он вирус счастья, то я должна поскорее найти от него вакцину. Эта болезнь может оказаться крайне заразной.

И зачем вообще доктор Пак подался в медицину? У него нет ни таланта, ни желания. Знаю, что у каждого свои обстоятельства, но Чанёль для меня до сих пор остаётся загадкой.

Хвостик Хеми, к примеру, тоже не обладает особыми талантами, но медицина — это её страсть. Для Кёнсу эта профессия — главная цель в жизни, а для Сехуна... Я задумчиво посмотрела на замешкавшегося сына главврача. Одарённый парень, не имеющий ни малейшего интереса к врачеванию. Сколько таких, как он, я видела в студенческую пору?

— Доктор О, — позвала я, разглядывая его бледные руки, которые в будущем смогут спасти жизнь далеко ни одному пациенту, если выбить из головы их хозяина всю дурь, — Вы остаётесь на ночное дежурство.

— Сегодня не моя очередь, — напрягся Сехун, провожая печальным взглядом спасающихся бегством коллег.

— Работы много, — пожала плечами я. — Из-за Ван Данби вся больница на ушах стоит.

Сехун яростно сверкнул глазами, но промолчал. Парень всё ещё придерживался образа примерного мальчика-зайчика, не зная, что его секрет давно раскрыт.

— Хорошо, но почему я?

— Поменьше вопросов, доктор О! И наденьте Ваш халат!

Я бесшумно вышла из ординаторской, постаравшись скрыться от внимательного взгляда карих глаз. Но через несколько часов окончательно пожалела, что оставила Сехуна на ночное дежурство. Интерн крайне виртуозно играл на моих слабых нервах, при этом не оставляя ни малейшего повода его отчитать.

Высокий, красивый, богатый и воспитанный молодой человек — настоящая находка! И всё же я ума не приложу, как нашим барышням удаётся не замечать, что у этого яблока гнилая сердцевина.

— Доктор О — такой красавчик и настоящий джентльмен! — говорят медсёстры.

Он, конечно, одинаково вежлив и обходителен со всеми особами женского пола, даже со страдающей от лишнего веса медсестрой Кан, но назвать парня джентльменом язык не повернётся. У Сехуна же на лбу бегущей строкой транслируется «секс-Секс-СЕкс-СЕКс-СЕКс».

Жаль, что попытки избегать встреч с доктором О с треском провалились, и я натыкалась на сына главврача буквально на каждом шагу. В общем, вся ситуация грозила закончиться для меня в лучшем случае ещё одним седым волосом, а в худшем — обширным инфарктом миокарда.

Я уныло тыкала кнопки автомата с напитками. Кофе не пью даже для того, чтобы взбодриться во время выматывающего дежурства, зато очень люблю мятный чай. К сожалению, выбор не велик. Приходится обходиться фруктовым чаем с сахаром, который на вкус как мыльная вода.

Отсюда можно было увидеть аварийный выход номер три, возле которого располагалась курилка. Там стоял О Сехун и курил, сдержанно улыбаясь окружившим его медсёстрам. Длинные пальцы небрежно держали сигарету, тонкие губы обхватывали фильтр... Парень курил так, словно снимался в рекламном ролике.

В голове что-то щёлкнуло. Неожиданно парень перестал раздражать, а, наоборот, стал очень привлекателен. Его улыбающееся лицо со странно-отстраненным взглядом... Меня тянуло к нему, как мотылька к губительному огню. И я рванула к интерну, раскидывая недовольных грубым обращением девиц.

— Доктор Ким, — молодой человек взволнованно проводил взглядом сигарету, которую я вырвала у него из рук и отправила в свободный полёт.

Сигаретный дым щекотал мой нос, взгляд опустился на тонкие губы Сехуна. Затем я поцеловала его. Заведующая отделением целовала своего интерна, единственного сына главврача, на глазах у главных сплетниц больницы Арым!

— Доктор Ким...

Я, словно умалишённая, наслаждалась никотиновым поцелуем, вдыхая сигаретный дым, а мой змей-искуситель впивался в губы, распаяя наше сумасшествие, шепча моё имя на все лады:

— Доктор Ким... Ким Дахи...

Теперь меня точно понизят. Или уволят.

— Доктор Ким... кхम्म... Дахи! — знакомый голос вывел меня из транса.

Я нехотя открыла глаза. Всё тот же старый красный автомат. Хотелось кричать от... досады? Подумать только, нафантазировала себе поцелуй с О Сехуном! Чондэ назвал бы это синдромом бешеной матки. Надо больше отдыхать, а то ещё и не такое привидится.

Я нервно обернулась, и, увидев озадаченного Лухана, приготовилась провалиться в самые глубины ада от стыда. Автомат тихо загудел, оповещая о том, что чай готов.

— Добрый вечер, — как ни в чём не бывало поклонился он. — Крепко же ты задумалась, еле дозвался.

— Добрый, — я поклонилась в ответ, стараясь не расплескать чай.

Пользуясь редкой возможностью, я изучала его глаза, руки, плечи и грудь... Мужчина очень привлекательно выглядел в белом халате и голубой хирургичке. Не знаю, сколько времени я безмолвно смотрела на его губы, вдыхала едва уловимый запах одеколona, думая о несбыточном. Наступит ли момент, когда перестану так реагировать на свою первую любовь?..

— С тобой всё в порядке? — взволнованно спросил он.

Я едва перенесла первую атаку гормонов, как тут же началась вторая. Надо на законодательном уровне запретить мужикам быть такими красивыми!

— Да, всё хорошо. Какими судьбами к нам в отделение?

Лухан был нечастым гостем в неотложке. Его из хирургического отделения щипцами не вытащишь, мужчина даже обед постоянно пропускает, предпочитая работу отдыху.

— Видишь ли, моя мама скоро уезжает в Сучжоу... В общем, у тебя же послезавтра выходной?

— Да, — коротко кивнула я, не совсем понимая, к чему он клонит.

— Понимаешь, — мужчина неловко переминался с ноги на ногу, словно в его голове происходила какая-то борьба. Мне же оставалось только наблюдать за тем, кто одержит верх, — очень неудобно тебя беспокоить, но мне, правда, больше некого просить. Как я уже сказал, мать уезжает в Сучжоу, а мне послезавтра на работу...

— Сяо Мэй не с кем оставить! — наконец-то поняла я.

— Точно, — улыбнулся он. — Посидишь с малышкой?

Конечно же, добрячка Дахи согласилась. Я не смогла отказать Лухану, даже несмотря на то, что у меня всегда было чувство, что дети сродни инопланетянам. Такие же загадочные и неземные.

— Мамочки, на что я только что подписалась?

В квартиру Лухана я пришла при полном параде, но, к моему глубочайшему сожалению, дверь открыла его мама. Сам мужчина рано утром уехал на работу. С Лу Ифэй я знакома давно, хотя видела её только на мониторе ноутбука.

Дело в том, что Лухан был единственным иностранным студентом на нашем курсе и часто разговаривал с мамой по скайпу. Мы с Чондэ частенько вливались в эти разговоры, веселя друга и его мать робкими «нихао».

— Доброе утро! — мама Лу говорила с сильным акцентом.

Она приехала в Сеул из китайского города Сучжоу, чтобы заботиться о беременной невестке, а в итоге уже три года живёт в Корее и воспитывает свою внучку, оставшуюся без матери. Но каждый год она на несколько дней возвращается в родной город на годовщину смерти мужа.

— Доброе утро, — машинально ответила я, вешая пальто на крючок.

— Почему ты не носишь обручальное кольцо? — удивилась она.

Видимо, Лухан ничего не рассказал матери о моей личной жизни:

— Мы уже несколько месяцев в разводе, — ответила я сконфуженной женщине.

Кажется, она сама пожалела, что задала этот вопрос, но тут же перевела разговор на

Сяо Мэй, познакомив со светловолосой малышкой. Около часа бабушка подробнейшим образом рассказывала мне о своей внучке, её любимых игрушках и распорядке дня, а также показывала квартиру с таким серьёзным видом, словно инструктировала перед прыжком с парашютом. Когда она уехала в аэропорт, начался мой персональный ад.

Я не решалась оставить Сяо Мэй одну дольше, чем на пять минут. Даже разогревая для малышки еду, то и дело заглядывала в детскую, нервничала и не понимала ни слова из того, что говорит дочь Лухана.

Вроде взрослая женщина, заведующая отделением неотложной помощи, а вопящих малышей боюсь как огня. Раньше я думала, что с детьми мне будет помогать Чонин, ведь он умеет найти подход к детям, в отличие от меня.

Мой бывший — педиатр. Говорят, что дети хорошо разбираются в людях, видят всё, что у человека на сердце. Так вот, это неправда. Дети его очень любят, хотя у Чонина совершенно точно нет сердца.

— Нет, Чонину звонить не буду, — вслух рассуждала я.

Позвонить маме? О, нет! В последнее время мы редко созваниваемся, а видимся ещё реже. И проблема не в том, что я не люблю собственную мать. Просто она слишком сильно любит моего бывшего. Мама считает, что свадьба с Ким Чонином лучше, чем я сделала в своей бесполезной жизни.

— Надо было ему ребёнка родить! — пилила женщина. — Чонин — порядочный молодой человек. Любимую женщину с ребёнком на руках не оставил бы!

Она до сих пор с ним созванивается, а потом сокрушается по поводу того, что нерадивая дочь не сумела удержать такого чудесного мужчину.

Лухану я тоже не решила позвонить, хотя его номер давно был забит в память мобильного телефона. В итоге выбор пал на старого доброго Ким Чондэ.

— Чондэ, спаси меня! — опуская приветствия, взмолилась я, как только друг ответил на звонок. — Сяо Мэй — юный полиглот, девчушка ещё и на китайском разговаривает.

— Твой китайский на уровне двухлетнего ребёнка, так что у вас не должно быть языковых барьеров.

— Хватит издеваться!

— Терпи, Ким Дахи, — смеялся мужчина. — Путь к постели одинокого папаши-вдовца лежит через маленькое сердечко его дочурки. Кстати о нашем папочке, вот он идёт! Дать ему трубку?..

— Гад! — тихо буркнула я и сбросила звонок.

Я взволнованно сжимала в руке трубку, ожидая звонка Лухана. Засранец Чондэ точно

рассказал другу о неуравновешенной нянечке, не сумевшей найти общий язык с его драгоценной дочкой. И телефон, действительно, зазвонил, но на экране высветился незнакомый номер. Кто бы это мог быть?

— Алло?

— Это О Сехун.

Я на секунду замолкла, удивлённая его звонком, но не стала задавать глупых вопросов в духе «Откуда у Вас мой номер?». Разумеется, у парня есть телефонный номер руководителя его интернатуры. И всё же за две с лишним недели работы в больнице Арым он ни разу не позвонил мне, как и я ему.

Неужели интерн решил взяться за ум и хочет посоветоваться насчёт своего пациента? В выходной день? Чудеса!

— Говорите, доктор О, я Вас слушаю, — наконец-то ответила я, не сводя уставшего взгляда с рисующей Сяо Мэй.

— Вы сейчас дома у Лухана?

Вот это поворот! От неожиданности я забыла о ребёнке и бросилась к окну, почему-то уверенная, что во дворе среди припаркованных машин увижу ухмыляющегося О Сехуна. Его там, разумеется, не оказалось.

— Вас это не касается! — отрезала я.

— Да или нет? — не унимался интерн.

— Я не стану отвечать на личные вопросы.

Парень так тяжело дышал в трубку, как будто только что пробежал марафон:

— Значит, да.

И повесил трубку.

Что это было?! Но размышлять над странным поведением сына главврача не было времени, ведь оставленный под моей опекой ребёнок требовал пристального внимания. Мы играли, смотрели мультики, восемь раз читали её любимую сказку «Кончжви и Патчжви», так что уже к пяти вечера я в совершенстве освоила странный язык Сяо Мэй.

Когда вернулся Лухан, девочка уже спала.

— Уже поздно, — его тихий голос создавал в прихожей такую интимную атмосферу, которую не дадут и тысяча зажжённых свечей. — Вызвать тебе такси?

— Не нужно, я на автобусе доеду.

Мужчина не стал настаивать, а только поблагодарил за то, что посидела с его дочкой.

Я собралась и быстро побежала к остановке, кутаясь в пальто. На душе было как-то грустно. Я опять вернулась к своим мечтам о нашей совместной жизни. Почему же всё сложилось именно так? Тяжко вздохнув, я зашла в автобус и оставшийся путь смотрела на вечерние огни Сеула. Было красиво и до боли одиноко.

После ухода Ким Дахи Лухан направился напрямик к книжной полке и достал оттуда книгу, которую не открывал уже несколько лет. Всё дело в том, что пожелтевшие страницы романа «Пролетая над кукушкиным гнездом» хранили самый большой секрет Лухана.

Говорят, что преступник всегда возвращается на место преступления. Вот и Лухан чувствовал себя настоящим негодяем, не решающимся избавиться от доказательства своей вины.

Между тринадцатой и четырнадцатой страницами лежал исписанный листок, криво вырванный из лекционной тетради по биоорганической химии. Лухан провёл большим пальцем по маленькому сердечку, нарисованному на полях. В сердечке рукой двадцатилетней Ким Дахи было выведено его имя.

— Дахи, что же мы натворили? — тихо выдохнул он, пряча листок в бумажник. — Что я натворил?

Он никому об этом не рассказывал, но всё тайное рано или поздно становится явным.

Глава 3.

Прошло несколько дней с тех пор, как мать Лухана улетела в Сучжоу, а мужчина больше ни разу не попросил меня посидеть с его дочерью. Главврач дал Лу только один отгул, кто заботился о Сяо Мэй в другие дни — оставалось загадкой.

Когда я думала об этом, в голову сразу же приходила мысль об одной молодой особе, которая давно увивалась вокруг одинокого мужчины. Несколько лет назад у неё не было никаких шансов с ним сблизиться, а сейчас... Возможно, горе Лухана и его беспокойство о том, что Сяо Мэй растёт без матери, стали для этой девицы трамплином, с которого она сиганёт в сердце моей первой любви.

Снедаемая ревностью, я всё же решилась написать ему парочку ничего не значащих сообщений, но выяснить то, что меня на самом деле волновало, так и не смогла. Выкроить же минутку, чтобы поговорить с Лу, оказалось практически невыполнимой задачей.

Кроме обычных обязанностей заведующей, мне приходилось контролировать работу врачей-интернов, постоянно сверяясь с их индивидуальными планами подготовки. Когда же удавалось вырваться из отделения, Лухан либо был на осмотре, либо проводил операцию, либо безмятежно спал в ординаторской, кутаясь в старый клетчатый плед.

Мои переживания закончились, когда Лу Ифэй вернулась из Китая и снова взяла на себя заботу о внучке. Теперь молоденькой сопернице нечего делать в доме Лухана! Однако я слишком хорошо знаю эту девчонку, чтобы поверить, что она так просто исчезнет из его жизни.

Скрип двери и чьи-то тихие шаги прервали мои размышления, заставляя вернуться к насущным проблемам.

— Доктор О, Вам заняться нечем? — накинулась я на только что вошедшего Сехуна. — Так я Вам мигом работу найду!

— Почему сразу нечем? — парень плюхнулся на диван, грациозно закинув ногу на ногу.
— Я жду результаты анализов.

Ничего не ответив, я снова уставилась в монитор, физически ощущая пристальный взгляд интерна.

Как я смогу вернуться к работе, когда меня повсюду преследуют воспоминания о нафантазированном поцелуе с этим гадёнышем?

— Что Вы делали дома у Лухана? — шёпот Сехуна разрезал тишину, словно нож.

Воздух за секунду стал вязким, как патока, растягивая и замедляя ход времени. Я словно оказалась в кошмарном сне: каждый нерв, каждая частичка тела были напряжены до предела.

Я старалась избегать этой темы и ни разу не заговорила о странном звонке Сехуна. Хотя

слукавлю, если скажу, что мне не любопытно, где он услышал о том, что я была у Лухана.

— Дахи! — в ординаторскую влетел Чондэ, вытащивший меня из одной неловкой ситуации и тут же поставив в другую. — Давай опрокинем после работы по стопочке соджу?.. А, доктор О, и Вы здесь?

Чондэ кивнул на дверь, весьма красноречиво показав юнцу, чтобы тот немедленно выметался из помещения. О Сехун не стал спорить со старшим и вернулся к работе, оставляя нас наедине.

— Чондэ... — ласково прошептала я.

— Что? — удивился мой друг.

— Беги, — посоветовала я, — а то препарирую как лягушку!

— Думаешь, пацан всей больнице расскажет, что мы с тобой собутыльники? — с сомнением протянул Ким Чондэ. — Не похож он на трепло.

— До сих пор не знаю, чего от него ожидать.

— Забыли о Сехуне... Что насчёт стопочки соджу? — голос Чондэ перестал быть весёлым. — Я должен тебе кое-что сказать.

— Скажи сейчас.

— Дахи, чего ты ломаешься, как будто тебе секс предлагают? — не на шутку вспылил мужчина.

Не успела я придумать отговорку для придирчивого друга, как его телефон на всю громкость заголосил песню «Sexual Revolution». Чондэ достал телефон с такой скоростью, словно он лихой ковбой, вытаскивающий из кобуры револьвер.

Наблюдая за его манипуляциями, я не смогла сдержать улыбки. С тех пор, как стала врачом, сама с телефоном даже в душе не расстаюсь и на входящие всегда отвечаю, едва услышав знакомую мелодию рингтона — «Before the Dawn» группы Infinite, а всё потому, что боюсь пропустить важный звонок с работы.

— Главврач вызывает, — ответил Чондэ на мой немой вопрос, направляясь к двери.

— Что-то случилось?

На секунду показалось, что Чондэ хочет мне что-то сказать, но мужчина только покачал головой. Настаивать на ответе не стала, хотя беспокойство раздирало меня изнутри. Словно привязанная к Чондэ невидимой нитью, я следом за ним вышла из ординаторской.

Три дня назад меня, Мегеру всея отделения неотложной помощи, главврач вызвал в свой

кабинет и отчитал как провинившуюся школьницу. А всё из-за предвзятого отношения к врачу-интерну Пак Чанёлю, которому я за месяц интернатуры не доверила ничего ответственной мытья полов в служебном туалете.

Мой коэффициент ненависти к этому рыжеволосому эльфу зашкаливал ещё в прошлый четверг. Тогда я обнаружила в процедурной его мобильный телефон, на заставке которого было фото Ван Данби, сделанное в нашей больнице. Актриса лежала на боку с закрытыми глазами, а в спутанных волосах была засохшая рвотная масса.

— Пак Чанэль, Вы непроходимый идиот! — я срывала горло на лопоухого интерна, удалив злополучное фото. — Скажите, зачем Вам понадобилась эта фотография? Ещё и на заставку поставили! Вирус счастья, блин...

Я не рассказала главврачу о том инциденте лишь потому, что сама должна была сразу проверить телефоны этих ходячих недоразумений. Пришлось пообещать начальнику, что дам рыжему пакостнику работу посложнее. О, да я его просто завалю работой, не сомневайтесь, господин главный врач!

Среди интернов только До Кёнсу был для меня лучиком света в тёмном царстве. Мы с Чондэ наткнулись на него в коридоре, когда бедолагу атаковала медсестра Кан. Рядом с пышными габаритами которой, Кёнсу казался ещё меньше и бледнее.

— Кёнсу — настоящий пупс, — умилялась я. — Так бы и затискала! Ох уж этот материнский инстинкт!

— Уверена, что именно материнский инстинкт, а не восстание твоего либидо?

— Иди ты!

— Ну и пойду, — пожал плечами Чондэ. — А ты обещаешь, что подумаешь насчёт соджу!

Что-то неразборчиво промычав в ответ, я направилась по своим делам.

Во время обхода территорий, вверенных под моё командование, я неожиданно столкнулась с Хеми. Взъерошенная, словно драчливый воробей, она врзалась в меня на полном ходу, и, рассыпаясь в извинениях, попыталась улизнуть.

— Стоять! — скомандовала я, рассматривая полные слёз глаза. — Что случилось?

— Ни-ничего...

В голову закрались кое-какие подозрения:

— Кто тут у нас? — я зашелестела страничками истории болезни, вырванной из трясущихся рук зарёванной Ли Хеми. — Бён Бэксён? Вот так номер! Кажется, он пациент доктора Пака?!

Бён Бэксён — наш VIP-пациент, племянник мэра города и любитель быстрой езды на мотоцикле, ставший частым гостем в больнице Арым. И всё бы ничего, но парень

оказался настоящим половым агрессором.

Только медсестре Кан удалось избежать покушения на свои гигантские ягодицы, остальные сёстры неустанно жалуются на шаловливые ручонки Бэксёна. Я отдала Бэка на растерзание Чанёлю, чтобы избежать очередного скандала и девичьих слёз, а этот балбес, как всегда, свалил всю работу на Хеми.

— Доктор Ким, пожалуйста, — Ли Хеми предприняла жалкую попытку забрать документ.

— Ладно, — я сжалилась над бедняжкой и вернула ей историю болезни. — Что там с Бэксёном?

Пришлось дожидаться, когда девчонка перестанет всхлипывать и возьмёт себя в руки:

— Для регенерации межпозвонковых хрящей ему назначили уколы и...

— Ах, уколы! Пойдём-ка сделаем этому Казанове укольчик.

Бён Бэксён как ни в чём не бывало лежал на кровати и смотрел какое-то развлекательное шоу по телевизору. Его светлая макушка мирно покоилась на трёх подушках, красиво очерченные губы складывались в полуулыбку, а огромные глазищи сверкали каждый раз, когда на экране показывали что-то интересное. Рубашка ангелочка была небрежно распахнута на груди.

В голове не укладывалось, как может худенький и болезненно красивый паренёк оказаться тем самым нарушителем спокойствия:

— Доброе утро, как Ваше самочувствие?

Бэксён что-то невразумительно пробурчал в ответ и с усмешкой посмотрел на Хеми.

— Позвольте представиться! Заведующая отделением неотложной помощи, доктор Ким Дахи. Не могла допустить, чтобы VIP-пациенту делал укол врач-интерн, поэтому я здесь. наших юных врачей ещё столько нужно научить... — тараторила я, помогая парню лечь на живот. — Мы только сделаем укол, и можете дальше отдыхать.

Конечно, я умолчала о том, что умение делать инъекции — то, без чего интерны вряд ли закончили хотя бы медучилище, не говоря уже об университете. С такой простой задачей многие люди справляются в домашних условиях, что уж говорить о юных эскулапах.

— Сначала нужно внимательно осмотреть ампулу: прочесть название лекарства и срок его годности, — я с серьёзным видом поучала перепуганную Ли Хеми, протирая место укола смоченной в спирте ваткой.

Обломав кончик ампулы, я набрала в шприц лекарство, легонько постучала по нему и нажала на поршень, чтобы вышел воздух:

— Убедись, что в шприце не осталось пузырьков воздуха! Если об этом забыть... Ну Вы

меня поняли, доктор Ли.

— Подождите! — Бён Бэксён, до этого молча слушавший ликбез, неожиданно схватил меня за край халата и отчаянно заскулил: — Там же остались пузырьки!

— Вам показалось, — успокоила я парня, наклоняясь, чтобы ввести иглу в нежную кожу.

— Нет, не показалось, — верещал племянник мэра, стараясь натянуть на задницу пижамные штаны, но неожиданно ожившая Ли Хеми на корню пресекла его попытку, вернув одежду на место. — Угробить меня решили?!

— Тише-тише, — я убаюкивала парня, которого сама же и довела до такого состояния. Впрочем, он сам виноват. — Никто не пытается Вас угробить!

Левой рукой растянула кожу и резко воткнула шприц в мышцу, выбивая из тщедушного тельца болезненный вскрик. Дальше я не стала мучить горе-ловеласа, ввела лекарство, вытащила иглу и прижала место укола ваткой, массируя пострадавшую мышцу.

— А если он расскажет дяде?.. — спросила Хвостик Хеми, как только мы покинули палату Бэка.

— О чём? — губы тронула лёгкая ухмылка. — Крутой гонщик визжал как девчонка, когда ему делали укол? Мужчины боятся боли гораздо сильнее, чем женщины, вот и все дела. К тому же наш маленький любитель женских попок оказался тем ещё паникёром. Возвращайтесь к работе и... Доктор Ли, Вам пора научиться говорить «нет» Пак Чанёлю.

Я сидела в столовой, вполголоса репетируя заранее придуманный повод не идти с Чондэ в бар, когда к столику подошёл Лухан.

— Можно присесть? — мужчина был до неприличия красив, но я как никто другой знала, что под его улыбкой скрывалась пуленепробиваемая броня.

Молча кивнула, как всегда, позабыв три четверти словарного запаса. Даже понимая, что молчание затягивалось, я не могла оторвать взгляд от тарелки и открыть рот. Вот что он со мной делает?!

Первым напряжённую тишину нарушил Лухан:

— Не знаю, правильно ли поступает Чондэ, — вздохнул он, старательно орудуя палочками. — Перевод — серьёзное решение. Надеюсь, он хорошо подумал.

— Какой ещё перевод? Куда?

— Медцентр Квимс при университете Кёнхи, — ответил удивлённый моей неосведомлённостью мужчина. — Подожди, Чондэ тебе ничего не рассказывал?.. Дахи, подожди!

Не дав Лухану договорить, я быстренько спихнула поднос с нетронутой едой работникам

столовой и понеслась в отделение Чондэ.

Анестезиолог нашёлся возле ненавистного мне кофе-автомата.

— Почему не сказал, что переводишься? — процедила я, резко схватив его за запястье.

Мужчина испуганно замер и растерянно взглянул на меня:

— Я пытался, — коридор опустел, как по мановению волшебной палочки, — даже позвал тебя выпить!

Потерявшись в ощущениях, сама не заметила, как по щекам потекли слёзы, а он тупо смотрел на мокрые дорожки, которые я тут же попыталась стереть рукавом халата.

И когда я успела стать такой размазнёй? Возможно, всегда такой была. Это на работе я Мегера, на самом же деле и шагу ступить не могу без постоянных сомнений и переживаний.

— Чэнь-Чэнь, не оставляй меня, — взмолилась я.

Чэнь-Чэнь... В студенческие годы это было его прозвищем. После свадьбы я больше ни разу его так не называла.

— Не плачь, малышка, — тепло улыбнулся он, сжимая мою узкую ладонь в своей. — А то они начнут говорить, что я тебя отшил.

— Что ты несё...

— Или скажут, что главврач узнал о нашем романе и перевёл беднягу Чондэ в другую больницу! — не унимался друг.

— Ким Чондэ!

— Дахи, я не улетаю на другую планету, не уезжаю в другую страну. Я, чёрт возьми, даже из города уезжать не собираюсь!

— Знаю, но... Здесь я останусь одна.

— Не одна, — опять улыбнулся этот несносный тип. — С тобой Лухан.

Представить не могу, как буду без моего Чондэ. Кажется, во всей больнице, кроме него, ко мне нормально относится только главврач и Лухан. Но первый — мой непосредственный начальник, а со вторым я даже поздороваться не могу — тут же из стальной Дахи превращаюсь в слабоумную девчонку.

— Я люблю тебя, Чэнь-Чэнь.

Мужчина тяжело вздохнул и сгрёб мою жалкую плачущую тушку в крепкие объятия.

Краем глаза я отметила какое-то движение возле курилки. Кажется, Чэнь-Чэнь прав. Завтра по больнице пройдёт новый слушок.

Кёнсу не пошёл в столовую. Парню не хотелось слушать жалобы Чанни, бесившегося из-за взбучки, которую устроила рыжему доктор Ким. Пак Чанэль сбросил своего пациента на дурочку Хеми, а та и рада ему угодить!

Интерн хотел злиться на Ли Хеми, но перед глазами, как наяву, вставал её образ: дрожащие губы и мокрые от слёз ресницы в тот миг, когда Чанэль обвинял девчонку в том, что она нажаловалась на него Мегере.

Ли Хеми нашлась на скамеечке возле операционной номер два. Девушка читала роман «Королёк — птичка певчая».

— Любишь читать книги? — спросил приятно удивлённый Кёнсу.

— Люблю, но только правильные! — не отрываясь от книги, ответила она.

— Правильные? — парень с интересом подался вперёд. — Это какие же?

— Если герои получили то, чего заслуживают, значит, книга правильная.

— Даже если герои заслужили пулю в лоб?

— Тем более, если они заслужили пулю в лоб.

Кёнсу вдруг почувствовал, что Хеми вовсе не та бесхребетная курица, какой старается казаться. Она довольно умна, всегда усердно работает (причём за двоих), и не жалуется, когда её заставляют выполнять скучные задания или оставляют на ночное дежурство. Никогда не отказывает в помощи и всегда приветлива с пациентами. А ещё она хороша собой...

У Ли Хеми не было двойного века, но пушистые ресницы делали своё дело: от её карих глаз невозможно оторваться. Только Кёнсу смотрел не на них и даже не на красивую линию губ, а на длинные тёмно-русые волосы, затянутые в тугий пучок на затылке. Парню мучительно хотелось освободить их из плена, потянув за краешек синей ленты, зарыться в них руками, вдыхать их аромат...

Но Ли Хеми сама разрушила всю магию момента:

— Скажи, — она отложила роман и нерешительно дотронулась до плеча Кёнсу, — Чанэль всё ещё злится на меня?

— Какая же ты дура, Ли Хеми!

Глава 4.

Выходные я провела, как типичная одиночка, помешанная на работе: днём переводила медицинские статьи с английского на корейский, вечером садилась за просмотр фильмов и сериалов. И смотрела я отнюдь не любимый всеми одинокими и отчаявшимися «Дневник Бриджит Джонс», а «Чечжунвон» — драму о становлении первой в Корее больницы западного типа.

После развода бывшему мужу досталась половина квартиры, но жить с Чонином и каждую ночь вслушиваться в глухие женские стоны, доносящиеся из соседней комнаты, было невыносимо. В конце концов, я продала ему свою половину и убралась из места, которое давно перестало быть моим домом.

Сейчас я живу в крохотной квартирке около больницы Арым. Да-да, вся моя жизнь вращается вокруг этого места, словно Земля вокруг Солнца. Впрочем, квартира уютная, и жаловаться мне не на что.

От матери, которая по-прежнему созванивается с бывшим зятем, я узнала, что Ким Чонин не только свободен, но и успешен. Он работает в отделении педиатрии женской клиники Миз Меди, являющейся специализированным медицинским центром по гинекологии и акушерству, а также по детским заболеваниям.

Мама всеми силами пытается снова свести нас с Чонином, но ему, окружённому молоденькими женщинами, беспокоящимися о своих чадах, наверняка нет дела до бывшей супруги. Эти мамы не заденут ни одной струны в душе красавчика-педиатра, потому что ледяное сердце мальчика Кая может растопить только Герда.

И с моей стороны было очень глупо верить, что я Герда Ким Чонина. Теперь-то понимаю, что мы с бывшим мужем из разных сказок, поэтому у нас ничего не вышло. Красная Шапочка и Кай... Глупость какая-то!

Но, если подумать, то у Кая хотя бы есть Герда, а кто есть у Красной Шапочки?.. Дровосек? Волк?

Я еле сдерживала нервную дрожь, собираясь в больницу погожим воскресным утром. Сегодня у меня был выходной, и я ещё в среду договорилась в гинекологии об осмотре:

— Доктор Ким Минсок? — удивилась я, рассматривая висящую на двери табличку. — А как же доктор Нам?

— Она уже месяц как на пенсии, — скучающим тоном ответила явно недолюбливающая свою прежнюю начальницу медсестра. — Ну что, записываю на воскресенье? Доктор Ким как раз будет дежурить и сможет Вас принять.

— Эмм... записывайте.

С появлением интернов я пропустила не только пенсию доктора Нам и готовящийся перевод Чондэ, но и появление нового гинеколога.

— И как Вам новый врач? — неожиданно поинтересовалась я.

— Просто невероятный красавчик! Холостяк к тому же! А вот это, — оживившаяся девушка ткнула пальчиком в стеклянную вазу, заполненную разноцветными бумажками, — любовные признания от пациентов и медперсонала.

— Что, простите?

— Понимаете, в отделении развернулась настоящая охота за сердце доктора Кима, отсюда и любовные послания!

Чуть поболтав с сестрой, я отправилась восвояси, стараясь переварить только что полученную информацию. Восемьдесят процентов мужского персонала больницы Арым — женатые мужчины, поэтому нет ничего удивительного в том, что одинокие дамы стараются окольцевать нового гинеколога.

Есть, конечно, свободные Чондэ и Лухан, но первый — хронический холостяк и тролль всея больницы, а второй — вдовец с маленькой дочерью, поэтому всё внимание вкупе с разноцветными любовными письмами теперь достанется Ким Минсоку.

Справедливости ради замечу, что Сехун, Кёнсу и Чанёль тоже не были обделены любовью милых дам, но всё же они ещё слишком молоды, чтобы из-за них устраивали кровавую битву. Наши девочки, как ни крути, реалистки и звезд с неба не хватают.

В воскресенье я нерешительно постучала в дверь и вошла, чувствуя неловкость из-за смены ролей с врача на пациента. Кабинет встретил меня тишиной. За столом доктор Ким старательно выводил диагнозы пациентам.

— Ким Дахи? — оторвавшись от своего занятия, спросил он.

Получив утвердительный ответ, врач пригласил меня присесть. Доктор Ким Минсок стоил не одной, а всех пяти ваз с разноцветными любовными записками. Это был хорошо сложенный мужчина невысокого роста. Рыжие волосы казались кроваво-красными по сравнению с белым халатом, а пухлые щёчки и мальчишеская улыбка делали его похожим на девятнадцатилетнего юношу. А руки... Ах, какие у него руки! Стоило их увидеть, как я уже мечтала об их прикосновении!

Я честно отвечала на вопросы о моей интимной жизни, ничего не утаивая и не приукрашивая. Если Минсок и удивился, услышав о добровольном воздержании пациентки, то не подал виду.

Наверное, его так и тянуло спросить о том, не приврала ли я, ведь вся больница была прекрасно осведомлена о любовных утехах Ким Дахи с главврачом и Ким Чондэ. Впрочем, если верить слухам, то место заведующей отделением я получила

исключительно благодаря тому, что делаю классный минет. У этих ребят слишком высокое мнение о моих способностях в данной области.

Я героически перенесла вычисление индекса массы тела: в добровольно-принудительном порядке встала на весы, а потом позволила доктору измерить свой рост. Проблемы начались, когда Минсок закончил ощупывать мой напряжённый живот, и его умелые руки стали осторожно касаться груди.

— Больно? — будничным тоном спросил он.

Я лишь отрицательно помотала головой, не в силах вымолвить и слова. Для него это привычное дело — мять девичьи груди, а я с удивлением отметила, что нахожусь в одном шаге от возбуждения.

Хорошая же у тебя работёнка, Ким Минсок!

— Пройдите за ширм... — не дослушав доктора, я соскользнула с кушетки и скрылась за ширмой.

Стянув джинсы с нижним бельём и заменив их дурацкой монашеской юбкой, я нервно переступала с ноги на ногу, не решаясь сесть в кресло. Ох, никогда ещё так не волновалась на осмотре у гинеколога. Как будто в первый раз, честное слово!

— Начнём? — гинеколог кивнул в сторону кресла.

— Начнём, — эхом отозвалась я и поудобнее устроилась в кресле для гинекологических пыток: руки на подлокотниках, ноги — на подставках.

Меня словно прошибло электрическим током, когда холодные руки, обтянутые стерильными перчатками, коснулись внутренней стороны моего бедра, поправляя положение ног. Всего на секунду я закрыла глаза и томно вздохнула, представляя, как эти руки будут ласкать моё тело и... Захотелось отдаться ему прямо здесь, на этом гинекологическом кресле.

То ли Минсок сумел прочесть мои мысли, то ли разделял мои желания, но он тут же оказался на мне, вдавив в спинку кресла. Он медленно провёл рукой вверх по моей ноге, заставляя кожу покрыться мурашками в мучительном ожидании чего-то большего. Я призывно потёрлась об него, и животом почувствовала возбуждение у него в штанах.

Мужчина стал медленно расстегивать мою рубашку, а мне так хотелось почувствовать его прикосновения. И вот, наконец, его руки дотронулись до моей груди. Это было уже во второй раз за сегодняшний день. Но сейчас не было неловкости, была только страсть. Словно, почувствовав моё желание, губы Минсока прижались к затвердевшему соску, вырывая из моей груди то ли стон, то ли тихий рык.

Я не знала, за что ухватиться, беспомощно царапала кожаное покрытие, сжимала в руках ткань его больничного халата и с готовностью отвечала на ласки. Минсок жадно целовал мою шею. А я только могла думать об оставленных им засосах. Это было так сексуально!

Неожиданно я прижалась к мочке уха мужчины и начала посасывать её.

Закрыв глаза, я, как слепой котёнок, неуверенно касалась его кожи, пока эта дорожка из невесомых поцелуев не привела меня к губам мужчины. И тут в меня словно бес вселился. Я кусала губы Минсока, впивалась ногтями в упругие ягодицы и стонала так громко, что вся больница наверняка уже столпилась возле двери кабинета. Это был мой самый лучший осмотр у гинеколога! Интересно, у него каждый приём так заканчивается?

— Можете одеваться, — шепнул он мне.

Не понимая, к чему Минсок это говорит, я продолжала бесстыдно подмахивать бёдрами навстречу его движениям.

— Ким Дахи?!

— Минсок, — простонала ему на ухо.

Я нехотя открыла глаза и тут же замерла. Доктор Ким Минсок стоял чуть поодаль и стягивал перчатки, а я лежала всё в том же гинекологическом кресле. Какой стыд! Дахи, ты же не билась в кресле, как последний эпилептик, воображая самый горячий секс в твоей жизни? Умоляю, скажи, что это не так! Сначала Сехун, теперь Минсок... Надо поосторожней с фантазиями.

Я кинула быстрый взгляд на Минсока, но выражение его лица ни капельки не изменилось. Кажется, пронесло. Быстренько одевшись и невнимательно выслушав наставления Ким Минсока, я заторопилась к выходу:

— Результаты анализов будут в понедельник, — его голос нагнал меня у самой двери.

— Анализы? — тупо повторила я.

— Я взял мазок на инфекции. Просто на всякий случай. Не стоит волноваться.

— До свидания, — нервно кивнув, я поспешила удалиться из кабинета.

В понедельник я получила результаты анализов и заключила, что с моими гениталиями всё нормально, а вот с головой — явные проблемы. Видимо, у ребят из Небесной канцелярии очень странное чувство юмора, если они раз за разом привязывают меня к людям с фамилией Ким. Ким Чондэ, Ким, забыть бы его к чертям, Чонин, а теперь ещё и Ким Минсок.

Сначала я постоянно вспоминала наш бурный секс в гинекологическом кресле и не могла посмотреть мужчине в глаза, но со временем эта неловкость спала, и мы даже стали общаться в нерабочее время.

Прошёл месяц с тех пор, как Ким Чондэ перевёлся в медицинский центр Квимс, а о новом анестезиологе я знала только то, что его фамилия тоже Ким.

Проблем у меня стало в два раза больше, а поговорить не с кем, вот и приходилось бедолаге Минсоку выслушивать бесконечное нытьё коллеги. А, учитывая его род занятий, у меня и вовсе тормоза отказали. Бедный, бедный Минск.

— Мне снятся эротические сны, — краснея, выпалила я, сидя в больничной столовой напротив Минсока.

Мой новый доктор Ким едва не поперхнулся. Врачи, конечно, существа бесполое, но такой подлянки от злодейки-судьбы он никак не ожидал.

— Дахи, — мягко заговорил он, откладывая в сторону столовые приборы. — Я гинеколог, а не сексолог. И уж тем более не психолог.

Раньше я и через полгода общения не решилась бы заговорить с ним на такую тему, а сейчас... Может, отсутствие Чондэ на меня так влияет?

— Но ты... кхм... мой друг, так ведь?

Мужчина на секунду замолк и внимательно посмотрел на меня:

— Полагаю, что так, — наконец согласился он. — И всё же такие тебе вещи лучше обсудить с подружками, а не со мной.

С подружками? Легко сказать! У меня их с университета не водилось, зато есть Чэнь-Чэнь, которому я позвонила тем же вечером и рассказала о мучающих меня снах и фантазиях эротического содержания.

— Всегда догадывался, что моя Дахи падкая на смазливых мужиков! — пьяно хихикала трубка.

И правда, первокурсница Ким Дахи была по уши влюблена в Лухана, чьей фарфоровой коже любая девушка позавидовала бы. На других студентов я и не смотрела, потому как с такой красотой тягаться сложно. Затем появился Чонин. Сексуальный, дерзкий, сносящий крышу Ким Чонин.

— Раньше я не насиловала взглядом проходящих мимо красавчиков, и пошлые сны не доставали.

На самом деле и этому можно найти объяснение. Лухан всегда был для меня недостижимой вершиной, с Чонином все кончено. Найдя спасение в работе, я и думать забыла про любовь...

А потом на чью-то седую головушку свалилась кучка надоедливых интернов. Молодые красавчики, находящиеся в катастрофической близости... Сексуальный хирург, привлекательный гинеколог. Кажется, в больницу Арым специально набирают самых горячих особей мужского пола. Кто дальше? Сладкий, как клубника, проктолог? Брутальный травматолог? Остановите планету, я сойду!

— У вас, дамочка, недотрах!

— Без тебя знаю! Может, в медицинскую карту этот диагноз записать?

— Отличная идея, — одобрил Чондэ. — А если серьёзно, я тут причём?.. О, постой! Неужели моя Дахи хочет, чтобы старый добрый Чэнь-Чэнь помог ей разрядиться? Думал, ты уже никогда не попросишь! — тараторил мужчина. — Куда подъехать?

— Совсем больной? — орала пациентка, страдающая хроническим недотрахом. — Проспись, а потом поговорим.

Через какое-то время телефон жалобно тренькнул, оповещая о сообщении от подвыпившего Чондэ. Несколько секунд я тупо всматривалась в короткий текст, затем перевела задумчивый взгляд на стопку бумаг и... прыснула.

На экране мобильного кокетливо горела надпись: «Не хочешь — как хочешь! Не для тебя моя роза цвела :Р».

И как после такого злиться на этого придурка?!

Хеми чувствовала себя глубоко несчастной. Мало того, что Чанэль и Кёнсу открыто игнорировали девушку, так ещё и Мегера отдала ей на откуп извращенца Бён Бэххёна из VIP-палаты.

— Доктор Ким, почему Вы отдали мне пациента Пак Чанёля? — спросила Хеми, теребя рукава халата от волнения.

— Вы сами согласились взяться за его работу, помните? — холодно отчеканила женщина. — Теперь обязаны довести её до конца. А для доктора Пака у меня найдётся другой пациент.

— Но Бэххён... он...

— Невероятный засранец? — подсказала Ким Дахи.

— Эмм... вроде того.

— Никому не бывает легко, — сказала руководительница.

Ли Хеми действительно всё давалось с огромным трудом. Девушке на выполнение задания приходилось тратить в два раза больше энергии, чем другим студентам, а куратор её группы ко всему прочему оказался настоящим женоненавистником.

Ей очень часто хотелось опустить руки, когда она встречалась с очередной преградой на пути к мечте, но она не сдавалась и шла вперёд, пропуская через себя недовольство родителей и потоки унижения, которые источал преподаватель.

Никто не верил в Хеми, но она верила в себя.

— Чанэль, — она отловила Пака, целующегося с какой-то девицей в одном из коридоров больницы. — Ты же обещал!

Девчонка, которую Чанни сжимал в объятиях, вздрогнула и, не дожидаясь скандала, прошмыгнула в ближайшую палату.

— Ты тоже обещала, что не сдашь Мегере, — огрызнулся парень, даже не посмотрев вслед той, кого только что так жадно целовал. — И что в итоге? Мне дали в пациентки каких-то дряхлых старух, которые ходят под себя каждые тридцать минут!

Он закатил глаза и, прислонившись спиной к стене, вытащил из кармана сигареты.

— С ума сошёл?! Здесь нельзя курить!

Хвостик Хеми попыталась выхватить пачку, вот только Чанэль оказался быстрее и высоко поднял руку. Девушка заглянула ему в глаза и тут же чуть не задохнулась оттого, насколько парень был красив. У Пак Чанёля было много недостатков, но для неё он был идеальным в своей неидеальности. Кто-то, глядя на Чанни, увидит лоботряса и бестолочь, Хеми же видела перед собой длинноногого рыжеволосого эльфа из сказки.

— Всё кончено, да? — выпалила она.

— Да, — ответил Чанэль и ушёл, крутя в длинных пальцах пачку сигарет.

Все думали, что рыжий Пак — полнейший кретин и не замечает чувств коллеги-интерна, а Чанэль всё знал. Он пообещал, что будет встречаться с Хеми, если та поможет ему с работой. И она помогала, а теперь всё кончено.

Глава 5.

Мой двадцать девятый день рождения обещал быть до омерзения унылым. Другие люди обрадовались бы, узнав, что их праздник выпадает на выходной день, но только не я. Лучше провести этот день на работе, осматривая больных, чем сидеть дома в одиночестве, вяло отвечая на редкие звонки с поздравлениями. Звонили в основном коллеги, и все, как один, не забыли упомянуть, что ровно через год я буду отмечать тридцатилетний юбилей. Гореть им за это в аду!

Но только мама сумела окончательно уничтожить те жалкие остатки хорошего настроения, которые мне каким-то чудом удавалось сохранять. Она позвонила ближе к полудню, и её поздравление было больше похоже на скороговорку, чем на душевные слова любящей матери. Вскользь упомянув о подарке, который должны доставить часа через три, женщина вернулась к своей излюбленной теме и начала с удвоенной силой вскрывать мою многострадальную черепную коробку.

— Даже в день рождения к родной матери не приедешь? — возмущалась она, пропуская мимо ушей мои попытки объяснить, что я врач и не могу так просто уехать в Пусан, ведь меня могут в любой момент вызвать в больницу. — Раньше-то каждый год с Чонином приезжали, а теперь ты совсем о матери забыла. Кстати, что подарил зятёк? Рассказывай...

— Он тебе не зятёк, — мгновенно вспыхнула я, вспоминая, что бывший даже сообщение вроде «С ДР!» прислать не удосужился.

В трубке послышалось недовольное сопение, и разговор грозил перерасти в очередной скандал, если бы не внезапная трель дверного звонка. Скомкано попрощавшись и клятвенно заверив, что обязательно найду время приехать в родной город, я подошла к входной двери и, не глядя в глазок, щёлкнула замком.

Замирая от ужаса в диких пропорциях перемешанного с радостью, я разглядывала двух незваных гостей. Это были Чондэ и Лухан. Они стояли передо мной, нацепив на лица самые привлекательные улыбки, и ждали приглашения в квартиру. Мужчины были одеты как с иголочки, но всё моё внимание было приковано к Лухану, облачённому в строгий чёрный костюм. С идеально выглаженной рубашкой. И галстуком. Всё, как я люблю!

— Ну и видок у тебя! — хитро подмигивая, выдал Ким Чондэ.

И он был прав: на фоне разодетых мужчин я казалась даже не Золушкой, а особой без определённого места жительства. Босые ноги (хорошо, что успела их побрить), серые шорты с огромным пятном от кетчупа и... Чёрт! Сквозь тёмную ткань свободной футболки проглядывали затвердевшие от холода соски! Звание «Мисс Вселенский Позор 2014» по праву достаётся Ким Дахи!

Схватив с вешалки пальто и наглухо в него закутавшись, я кинула злобный взгляд на ржущего друга:

— Вообще-то в гости без предупреждения не ходят! — накинулась я на Ким Чондэ, всё

ещё не решаясь посмотреть на Лухана.

Вот почему я всегда попадаю в неловкие ситуации, когда рядом именно он?

— Не злись, малышка! Мы просто решили устроить пир в честь твоего дня рождения.

В доказательство своих слов друг продемонстрировал тяжёлые пакеты с едой и, не давая опомниться, протиснулся в квартиру.

— Обувь хоть снимите! — спохватилась я.

— С Днём рождения! — тихий голос заставил меня обернуться.

Лухан до сих пор неуверенно переминался с ноги на ногу в дверях, а я всю боролась с желанием дотронуться до шёлковой ткани его галстука и медленно потянуть этот аксессуар на себя, заставляя мужчину переступить порог.

— Спасибо, — запоздало ответила я, впуская гостя в квартиру и запирая за ним дверь.

Пока Чондэ и Лухан хозяйничали на кухне, разбирая пакеты и что-то бурно обсуждая, я истерично копалась в шкафу, пытаюсь найти что-нибудь красивое и неброское. Закончив с переодеванием, я поспешила взять в свои руки приготовление праздничного ужина и с удивлением обнаружила среди покупок любимое красное вино.

Лухан тут же вызвался помочь и, стянув пиджак, засучил рукава рубашки, а Ким Чондэ сидел за столом, развлекая нас своей болтовнёй о новом месте работы. Признаюсь, я практически его не слушала, потому что каждый раз, когда Лухан задевал плечом мою руку, в голове, заглушая все прочие звуки, играл огромный симфонический оркестр.

Я уже заканчивала накрывать на стол, когда ко мне подошёл Чондэ и сказал, что ему пора уходить:

— Так скоро? — удивлённо ахнула я.

— А что, предлагаешь быть третьим лишним? — шёпотом осведомился он.

— Ты о чём?

— Дахи, ну ты как ребёнок, честное слово! Я тебе такой шанс предоставил, Лухана привёл... Остальное за тобой!

— И что я, по-твоему, должна делать? — я наконец-то разгадала его грандиозный план.
— Накинуться на него?

— Кто на кого накинется — это вы, ребята, без меня решайте!

— Вот, значит, какой подарок приготовил мне Чэнь-Чэнь?

— Нравится? — хохотнуло это чудовище. — И, знаешь, ведь это я надоумил Лухана надеть костюм.

Радостно взвизгнув, я кинулась на шею другу и попыталась чмокнуть его в щёчку, но Ким Чондэ не вовремя дёрнул головой, и поцелуй пришёлся аккурат в подбородок.

— С Днём рождения! — пропел он, скрываясь за дверью. — И хорошенько пошали сегодня!

Несколько минут я неподвижно стояла в прихожей, задумчиво изучая узор старенького ковра. Затем, слегка покачиваясь, направилась на поиски Лухана. Телом управляли два бокала вина, которые я выпила во время готовки. Или три бокала?..

Мужчина нашёлся в комнате, выполняющей одновременно роль спальни, кабинета и гостиной. Лухан стоял ко мне спиной, и я, подойдя практически вплотную, положила ладони ему на плечи, с любопытством разглядывая вещицу, которую гость вертел в руках.

— Кубик Рубика? — улыбаясь, я забрала игрушку и тут же неосознанно начала вращать цветные оси.

Именно с этой головоломки началась моя любовь к Лухану. Тогда он впервые сел со мной на какой-то лекции и, не проронив ни слова, смотрел учебный фильм. Я же изо всех сил пыталась перебороть отвращение от кадров, мелькающих на экране.

Желая убедиться, что не у меня одной эта мерзость вызывает рвотные позывы, я стала украдкой рассматривать студентов. Каково же было моё удивление, когда я мельком глянула на соседа по парте, чей непроницаемый взгляд был устремлён вперёд, в то время как руки под партой с молниеносной скоростью поворачивали грани куба. Окончательно забыв про жуткий фильм, нерадивая студентка Ким Дахи всю пару наблюдала за ловкими движениями пальцев Лухана.

— Соберёшь? — вынырнув из омута воспоминаний, спросила я.

— Легко, — кивнул мужчина, и, когда кубик Рубика вновь оказался у него, принялся за дело.

Наблюдая за его работой, я размышляла о том, что Чондэ был чертовски прав, когда заставил Лухана надеть костюм. Нет, серьёзно, разве может быть что-нибудь сексуальнее? И, если всё пройдёт гладко, этим вечером я буду одну за одной расстёгивать пуговицы на его рубашке.

— Где Чондэ? — Лухан продемонстрировал собранный кубик Рубика.

Мысли разлетались, как испуганные пташки, мешая сосредоточиться:

— Он ушёл и... — дверной звонок заставил меня вздрогнуть. — Наверное, забыл что-нибудь.

Я ошиблась, это был не вернувшийся Чондэ, а она... мой персональный кошмар. Извечная соперница, которая тоже когда-то пала жертвой очарования Лухана, но, в отличие от меня, её пыл не остудило ни безразличие любимого, ни его брак, ни рождение Сяо Мэй. К тому же она добровольно вызывалась посидеть с девочкой, лишь бы почаще мелькать перед её отцом. Под таким напором даже стальная воля рано или поздно прогнётся.

— Сюрприз! — небрежно бросила нахалка и, скинув с плеча дорожную сумку, поспешила заключить Лухана в жаркие объятия.

Как она вообще узнала, что он у меня? Здорово! Нет, просто классно! Мать, конечно, говорила, что сегодня доставят подарок, но забыла упомянуть, что его привезёт именно Дасом.

— Ну, здравствуй, сестрёнка, — нахмурилась я, поднимая её вещи с пола.

Ким Дасом была младшей дочерью в семье, вот и выросла капризной избалованной принцессой, привыкшей получать всё, что захочет. А хотела она Лухана и только его.

Несколько лет назад мы с сестрой очень крупно поссорились, когда я пыталась уговорить её отступить от мужчины, чья жена ждёт ребёнка, и с тех пор практически не разговаривали. По её венам вместо крови течёт упрямство! И это у нас семейное.

— С днём рождения, Ким Дахи, — мрачно процедила я, наблюдая за ужимками сестры, всем телом прижимающейся к Лухану.

Мой двадцать девятый день рождения был до омерзения унылым. Как и ожидалось. Вечером следующего дня я нервно прохаживалась по пустынному коридору больницы, сбрасывая восьмой по счёту звонок от Чондэ. Паршивцу хотелось узнать все подробности вчерашней «ночи страсти», а что я могла ему рассказать? Интимного настроения как не бывало, романтический ужин на двоих превратился в дружеские посиделки. И кровать, в конце концов, пришлось делить не с Луханом, а с Дасом.

— Вы в порядке, доктор Ким? — постоянно спрашивали коллеги, остро реагирующие на моё переменчивое настроение.

То был вопрос, не требующий ответа. Дежурный, холодный, но он постоянно ставил меня в тупик, заставляя задуматься.

— В порядке, — эхом отзывалась я.

Но в порядке ли? В последнее время я была очень раздражительна, постоянно дёргалась и срывалась. Мысли, чувства, даже рабочий стол, — у меня везде царил хаос. И что-то ломалось, медленно, неотвратимо ломалось в моей голове. Или, наоборот, переворачивалось и вставало на положенные места.

Хотелось хорошенько на кого-нибудь наорать, но все интерны, как назло, куда-то запропастились...

— Ты всё испортила, Ли Хеми! И давай без истерик! — я бесшумно подошла к кладовой, из которой доносился грубый бас доктора Пака. — Мы ведь с тобой даже не встречались!

— Да, но ты обещал...

— Обещал, что будем вместе, но я же не знал, что ты окажешься такой бесполезной курицей...

В томительной тишине чётко послышался громкий хлопок. Из кладовки выскочил помятый О Сехун и, не дав мне опомниться, схватил за запястье и куда-то потащил.

— Что здесь происходит? — процедила я, стараясь вырвать руку из цепкой хватки интерна.

Парень грубо толкнул меня в пустую процедурную, вошёл сам и плотно закрыл за собой дверь. Сын главврача шаг за шагом оттеснял меня к стене до тех пор, пока отступить было некуда.

— Вы что, пьяны? — от резкого запаха алкоголя защипало в глазах.

— Самую малость, — ответил он, заключая меня в крепкие объятия, лишая возможности двигать руками.

— Вы забываетесь, О Сехун! — решив не церемониться с этим гадёнышем, я попыталась ударить Сехуна в пах, но он ловко зажал мою ногу коленями.

— К чему этот официоз? Давай на «ты»! — шептал молодой человек, откровенно забавляясь моей беспомощностью.

— Немедленно отпустите! Иначе я поставлю Вам самые низкие оценки!

— Хочешь поиграть? — продолжал издеваться Сехун. — Давай поиграем! Ты у нас будешь строгая учительница, а я гадкий двоечник. Ну что, накажешь меня? — губы парня исказила пошлая ухмылочка.

— Да что ты... Вы себе позволяете! Уберите руки!

Каково же было моё удивление, когда хватка пьяного интерна ослабла. Молча оттолкнув наглеца, я направилась к выходу, но снова оказалась прижата к стене.

— Вот как? — кулак приземлился в нескольких сантиметрах от моего уха. — С папашей трахаешься, а с его сыном — совесть не позволяет?! Может, тебя старикашки заводят?

— Как Вы сме...

— А я чем хуже? — змеёй шипел слетевший с катушек О Сехун. — Хочешь чего-нибудь взамен, да?..

Это стало последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Чья-то невидимая рука до упора крутанула внутри меня какой-то вентиль, и уже через секунду всё тело содрогалось в рыданиях. Под аккомпанемент бессвязных возгласов Сехуна я грохнулась на пол, обхватила колени руками и плакала-плакала-плакала.

До крови кусала губы, что-то кричала, размазывая по лицу солёные слёзы, и без остановки хлюпала носом. Не помню, когда в последний раз позволяла себе нечто подобное. Когда женился Лухан? Когда разводилась с Чонином? Когда узнала о переводе Чондэ? В этот момент, отпуская первую любовь, бывшего мужа и лучшего друга, я осталась наедине с другой Дахи.

В отличие от жалкой Ким Дахи, рыдающей на полу, эта была уверена в себе и не обращала внимания на многочисленные порезы, алыми цветами рассыпанные по белоснежной коже. Каждый порез — ошибка, каждый шрам — неверное решение, но именно эти раны сделали её такой, какая она есть. Сделали меня такой, какая я есть.

— Никому не бывает легко, — безмолвно говорила другая Дахи, и я вторила ей срывающимся голосом.

Когда же я наконец смогла выровнять дыхание и разлепить распухшие от слёз веки, Сехуна уже и след простыл.

Напиться в больнице было очень плохой идеей, которую, как и множество других, сгенерировал Пак Чанэль. Кёнсу, разумеется, отказался составить ему компанию, в очень изощрённой манере послав рыжеволосого подстрекателя, а вот О Сехун неожиданно согласился.

Итогом тайных посиделок в кладовой стали слёзы доктора Ким Дахи. Маленькие солёные капли стекали по её щекам прямо на острые коленки, которые женщина крепко обхватила руками.

О Сехун на мгновение представил, как она, вдоволь наплакавшись, поднимет голову и посмотрит на него своими покрасневшими глазами. От этой картины парня сразу же начало трясти. Он понял, что не сможет выдержать такого взгляда. Просто не сумеет. И ушёл, будучи не в силах слушать надсадные рыдания.

Уже дома, подставляя лицо под прохладную струю воды из душа, молодой человек окончательно избавился от хмельной пелены и осознал весь ужас того, что натворил. И что мог бы натворить.

Весь вечер Сехун мысленно прокручивал все возможные сценарии разговора с взбешённым отцом, а тот так и не позвонил. Видимо, Мегера ещё не успела пожаловаться главврачу.

— Он же не выгонит родного сына? — размышлял парень, стараясь избавиться от

мыслей о Дахи.

Он никогда не был склонен верить грязным сплетням, но интерн сам не раз становился свидетелем правдивости того, что говорят о заведующей отделением неотложной помощи. Однажды О Сехун пришёл в больницу в свой выходной, чтобы по просьбе матери передать отцу чистое бельё, и услышал, как доктор Ким Чондэ разговаривает с Мегерой:

— Терпи, Ким Дахи, — гаденько хохотал анестезиолог. — Путь к постели одинокого папаши-вдовца лежит через маленькое сердечко его дочурки. Кстати о нашем папочке, вот он идёт! Дать ему трубку?..

К Чондэ подошёл Лухан из хирургического отделения и что-то тихо спросил.

— Ой, Лу, зря ты позвал Дахи за дочкой приглядывать, она же совершенно не умеет ладить с детьми! — громко причитал мужчина, размахивая мобильником. — А вот Дасом прекрасно справилась бы с этой задачей!

Ещё больше Сехуна поразила другой подслушанный разговор, от одного воспоминания о котором парень невольно сжимал кулаки в безмолвной ярости. Да, слезливое признание Дахи, называющей Чондэ этим мерзким «Чэнь-Чэнь», бесило парня даже сильнее её нового дружка Ким Минсока.

Эта женщина была для Сехуна настоящей загадкой и не желала выходить из его головы. Ради своих амбиций она готова переспать с кем угодно, кроме него. Утром больница встретила сына главврача огнями десятка машин скорой помощи у входа и тошнотворным запахом палёной плоти, витающим над отделением.

Кажется, в неотложку слетелись все врачи больницы Арым. Они метались от одного больного к другому, кричали, как голодные чайки, и наперебой отдавали указания суетившимся сёстрам.

— Что происходит? — окликнул он Чанёля, в одиночку толкающего каталку с тучной женщиной.

— Теракт, — быстро выпалил рыжий и скрылся за дверьми лифта, бормоча какие-то успокаивающие слова пациентке.

Теракт. О Сехун не мог пошевелить и пальцем из-за сковавшего его ужаса. Интерн видел встревоженного До Кёнсу, прижимающегося ухом к губам какого-то старика, силясь разобрать его тихие жалобы. Заметил бледную, как мел, Хеми, фиксирующую время смерти худого парня с длинной шеей...

Сехун просто стоял и наблюдал за творившимся вокруг бедламом, пока не услышал стальной голос доктора Ким Дахи. Женщина была в самом центре кровавого хаоса и решительно сражалась со Смертью. Парню даже показалось, что с каждой остановкой сердца на её белом халате появлялось новое алое пятно.

Лухан вместе с медсестрой Кан встречал каталку с очередным пациентом, и к ним на

помощь уже спешила заведующая.

— Что там? — на ходу поинтересовалась она.

— Нет, Дахи, я сам... — не слушая Лухана, женщина склонилась над больным. —
Послушай, тебе не обязательно...

Она резко выпрямилась, и Сехуну каким-то чудом удалось расслышать в больничной
возне её тишайший шёпот:

— Чонин?

Глава 6.

Вторник. Обычное, ничем не примечательное утро. Через семь минут сонные пассажиры заполнят подъехавший к остановке автобус, а ещё через некоторое время их жизни унесёт взрыв.

Единственный выживший скончался в машине скорой помощи по дороге в больницу, остальных ждала мгновенная смерть. Кроме несчастных, находившихся в самом эпицентре раскалённого ада, пострадало множество случайных прохожих и проезжающих мимо машин. Взрыв также стал причиной ужасной аварии, одним из участников которой был мой бывший муж, Ким Чонин.

Когда я увидела окровавленного Чонина, судорожно прижимающего руки к ужасной ране в правом боку, мне стало сложно дышать. словно чьи-то холодные пальцы сомкнулись на покрытой испариной шее.

— Дахи, я сам справлюсь, слышишь? Я буду его оперировать, — настойчивый голос Лухана вытащил меня из паники, мешавшей сделать вдох. — Сестра!

Хирург на пару с медсестрой Кан увезли Чонина в сторону лифтов. Машины скорой всё прибывали и прибывали, доставляя раненных людей, и я не могла позволить себе такую роскошь, как упаднические мысли.

Уже вечером я нашла время забежать в хирургическое отделение и проведать Чонина, но вокруг него вертелся новый анестезиолог, Ким Чунмён, который, сделав своё дело, оставил пациента спать сном младенца.

Ночь я провела в больнице, сказав Дасом, что не могу оставить пациентов. Стараясь хоть как-то отвлечься, взялась за чтение антиутопического романа Хаксли «О дивный новый мир».

Это была не очень объёмная книга в твёрдой обложке, которую оставила в ординаторской Хвостик Хеми. Девчонка постоянно таскала в больницу книги из домашней библиотеки, и, надо признать, в литературе она разбиралась весьма неплохо. Я даже пристрастилась во время ночных дежурств почитать принесённые ею романы.

И всё же, перелистывая очередную страницу, повествующую о печальной судьбе Дикаря, я ловила себя на том, что сердце выстукивало «Чонин-Чонин-Чонин».

Рано утром ко мне заглянул Минсок, и болтали мы в основном про теракт. Сейчас все разговоры были только о нём.

В новостных лентах писали, что подрывником предположительно является иностранный студент, гражданин Китайской Народной Республики, Чжан Исин, но полиция пока отказывается давать какие-либо комментарии по этому поводу.

— Начинают поговаривать, что это был не теракт, а личная месть этого Исина другому погибшему, Хуан Цзы Тао, — Минсок устало зевнул и пригубил кофе из бумажного

стаканчика.

— Думаешь, это правда?

— Из-за отсутствия какой-либо информации, люди сами начинают придумывать подробности того трагического утра. Узнали, что молодые люди были однокурсниками, и понеслось...

Меня передёрнуло от его спокойного тона:

— А если это окажется правдой?

Мужчина тут же покачал головой, отрицая самую возможность такого исхода:

— За что такое надо мстить, чтобы оправдать гибель невинных людей?

Я не нашлась, что ответить, и Минсок продолжил попивать остывающий напиток. Его равнодушие и уверенность в своей правоте ужасно раздражали. Впрочем, в последнее время слишком многое выбивало меня из колеи.

Когда мужчина отправился в гинекологию, я с мученическим выражением лица взяла в руки телефон и начала лениво отвечать на сообщения Чондэ. Я два дня игнорировала его звонки и смски. Друг уже начал думать, что я пострадала в том злополучном взрыве.

Пришлось вкратце рассказать о неожиданном приезде Дасом и об эпическом провале романтического ужина с Луханом; об ужасном утре вторника, наполненном удушающим запахом смерти, и о бледном Чонине, лежащем на скрипучей каталке. Умолчала только о приставаниях пьяного Сехуна, которые в свете последних событий казались чем-то не стоящим внимания.

С другой стороны, спустить интернам с рук распитие спиртных напитков я не могла, поэтому устроила Чанёлю и Сехуну профилактическую лекцию в лучших традициях истинной Мегеры:

— Напиться в больнице! Просто невыносимо! — бушевала я. — В ваших руках чужие жизни, а вы показываете себя безответственными идиотами!

— Чужие жизни? Я Вас умоляю, — фыркнул Пак Чанёль. — Нас даже третьим ассистентом хирурга не ставят!

— Поставишь вас, как же, — ответила я, борясь с желанием хорошенько врезать по рыжей макушке. — Одно движение дрожащих рук может привести к непоправимой ошибке и превратить из спасителя в убийцу. Доктор Пак уже зарекомендовал себя человеком, неподходящим для профессии врача, но от Вас, О Сехун, я такого не ожидала.

— А чего ожидали? — интерн смотрел мне прямо в глаза.

— Что Вы оправдаете отцовские надежды и не разочаруете его. Боюсь, что в этот раз я вынуждена поговорить с главврачом... Кстати, где доктор Ли?

— Опаздывает, — робко подал голос До Кёнсу.

— Потрясающе, — выдохнула я, устало потирая виски кончиками пальцев. — Ладно, все за работу, а с Ли Хеми я сама разберусь.

Выждав, когда интерны покинут ординаторскую, я стала названивать Ли Хеми. Девушка чуть ли не плача начала объяснять, что застряла в пробке и доберётся до работы не раньше, чем через полчаса. Я прервала поток бессвязных оправданий и высказала ей тоже, что и парням.

В тот день я слышала голос Хеми, доносящийся из кладовой, где выпивали Сехун и Чанёль. Девчонка не стала ничего отрицать и молча выслушала все мои обвинения. Хотелось верить, что она не поддастся на уговоры этих ходячих недоразумений устроить пьяный дебош прямо в больнице, но я прекрасно знала, что Хеми теряет голову каждый раз, когда дело касается рыжей башни.

Выполнив свою угрозу, я доложила об ужасном поведении интернов главврачу, хотя главной причиной нашей встречи были не эти гадёныши, а мой скорый отпуск. Уже через две недели я избавлюсь от шуршащего врачебного халата и запаха лекарств, буду отсыпаться и хорошенько отдохну. Да, отдых пойдёт мне на пользу. Но перед этим нужно было выбрать кого-нибудь в качестве моего заместителя и надзирателя для молодых горе-врачей.

— Дахи, — главврач отложил личное дело доктора Мин, чью кандидатуру только что одобрил на пост моего заместителя, — насчёт интернов... Пожалуйста, пусть это останется между нами. В конце концов, ничего страшного же не произошло.

Мне стоило огромных усилий сдержаться и не сообщить о домогательствах его сыночка. Подумав, я решила оставить данный факт втайне от главврача. Когда-нибудь это может стать моим козырем в рукаве, если Сехун окончательно выйдет из-под контроля, пользуясь защитой отца.

— Не произошло, — согласно кивнула я, — но могло произойти.

Я всегда уважала начальника за его профессионализм и непоколебимость взглядов, хотя зачастую он вёл себя, как упрямый баран:

— И всё же, — мужчина снял с носа очки и внимательно посмотрел на меня, — в больнице и так не хватает врачей, а ты предлагаешь мне уволить сразу троих?

— Двоих, — решительно заявила я.

— Пускай двоих, но я решительно не могу этого сделать. Тем более, сейчас.

В общем, я и не сомневалась, что главврач не станет увольнять собственного сына, зато

точно знала — О Сехуну хорошенько влетит от отца.

— Тогда стоит нагрузить их ночными дежурствами, чтобы неповадно было...

— Вот, это уже совсем другой разговор! — одобрил начальник. — Давай им побольше работы, чтобы дурь всякая в голову не лезла.

— Так и сделаю, не сомневайтесь.

Обсудив ещё кое-какие детали, касающиеся работы отделения, мы быстро распрощались, более или менее довольные друг другом.

В конце рабочего дня я снова взялась за роман «О дивный новый мир» и настолько окунулась в чтение, что не заметила, как опустела ординаторская. Практически опустела. Напротив меня сидел мрачный О Сехун.

Вернувшись к книге, я изо всех сил старалась понять, о чём читаю, но слова ускользали, как песок сквозь пальцы. Безуспешно пыталась сконцентрировать внимание на книге, да что толку? Мне хотелось оказаться сейчас как можно дальше от этого человека... как можно дальше...

Стараясь не смотреть на парня, я запихнула книгу в сумку и направилась к выходу. Сехун резко вскочил и схватил меня за руку:

— Тебе не кажется, что нам нужно поговорить? — растягивая слова, проговорил он.

— Не «тебе», а «Вам», — поправила я и выразительно посмотрела сначала на свою руку, потом на Сехуна.

— Пусть так, — тряхнул головой сын главврача, покорно разжимая пальцы. — Но *Вы* не можете вечно меня избегать!

— Просто сделайте вид, что ничего не произошло.

Я закинула на плечо ремешок сумки и уже собиралась оставить О Сехуна в ординаторской одного, как он выпалил:

— Кто такой этот Ким Чонин?

На одно упоминание этого имени моё тело отреагировало острой болью в груди. Действительно, кто он такой? Неужели мне никогда не удастся вычеркнуть его из своей жизни?

— Никто, — грубо ответила я и ушла, громко хлопнув дверью.

Разговор с Сехуном не только всколыхнул рой неприятных мыслей, напомнив об одном важном деле, которое не стоило игнорировать. Нельзя было и дальше оттягивать визит к Чонину, так что я направилась напрямик в хирургическое отделение.

В больничной пижаме Чонин выглядел как настоящий ребёнок. На его бледном отстранённом лице яркими пятнами выделялись ссадины и синяки.

— О, а вот и Дахи, — увидев меня, мужчина улыбнулся и попытался сесть, но пронзительная боль в правом боку не позволила ему это сделать. — Я уже начал думать, что ты мне привиделась... Знаешь, я ведь очень долго отходил от наркоза и нёс тут всякую чушь.

— Как самочувствие? — спросила я, чудом удержавшись от язвительного комментария в стиле «Ты всегда несёшь чушь, Ким Чонин». — Сейчас что-нибудь беспокоит?

— С чего вдруг такой интерес? Ты же не мой лечащий врач! — он храбрился и паясничал, стараясь спрятаться за убежищем колкостей от тех ужасов, которые пережил в то утро. — Меня оперировал твой сладкий дружок, Лухан. Кстати, вы теперь вместе или как?

Некоторые люди любят найти у человека слабое место и наступить на него грязной пяткой. И чем сильнее объект корчится от боли, тем веселее. Ким Чонин был как раз из таких людей. Ему не составляло труда найти ту точку, нажатие на которую причинит человеку наибольшие страдания. Для меня такой точкой был Лухан, и Чонин это прекрасно знал.

Я начала жалеть, что вообще пришла, но поддаваться на провокации не собиралась:

— Родители приезжали?

— Только отец, — нехотя ответил бывший. — Мать не хотела с ним пересекаться, поэтому приедет завтра.

Его родители были на грани развода ещё тогда, когда мы с Ким Чонином обменивались свадебными клятвами, и до сих пор не могли разойтись по-хорошему, продолжая делить совместно нажитое имущество и неустанно скандалить друг с другом.

В пылу собственного бракоразводного процесса, они с поразительным спокойствием отнеслись к разводу сына. Сейчас же Чонин лежит в больнице, а мать с отцом никак не могут уладить свои отношения. Сумасшедшая семейка.

— Кстати, звонила твоя мама, — ухмыльнулся этот паразит. — В общем, она едет в Сеул, чтобы ухаживать за «любимым зятьком».

— Скажи мне, «зятёк», за каким чёртом ты постоянно с ней разговариваешь по телефону? — вспыхнула я, в ужасе представляя предстоящий приезд матери.

— Может, ждал, что ты позвонишь и запретишь мне с ней общаться? — хитро вывернул мужчина.

— Да пошёл ты!

— Только не надо этого, — простонал Чонин.

— Чего?

— Ну, этого твоего выражения «стерва-лицо-кирпичом».

— Извини, профессиональная привычка, — огрызнулась я и вышла из палаты.

Мы не виделись несколько месяцев, и я представляла нашу встречу в несколько ином ключе. Почему Чонин выходит победителем из всех наших ссор?

Ким Чонин отчётливо видел крохотную ручку, свисающую из окна перевернутой машины. По-честному, это и машиной-то назвать язык уже не поворачивался. Груда покорёженного металла — всё, что осталось от отличной тачки.

Но мужчине было плевать на подобную ерунду. Мир Чонина сузился до размеров руки, унизанной пухлыми браслетами, по которой тоненькими струйками стекала на мокрый асфальт кровь.

Жива ли хозяйка того автомобиля?

Вряд ли.

Жив ли он сам?..

С неудачной попыткой пошевелиться пришла неумолимая боль. Чонин слышал тихие всхлипы и едва различимые стоны. Остальным участникам аварии пришлось немногим лучше... Или же всхлипывал и стонал он сам?

Краем глаза он уловил свет и уже было решил, что пришла помощь, но то были всего лишь зеваки, лихорадочно фотографирующие место ужасной аварии на мобильники, чтобы потом выложить в какие-нибудь социальные сети. Чонин ненавидел их за любопытство, граничащее с холодным равнодушием, хотя и от таких людей тоже есть польза — они вызовут скорую помощь. По крайней мере, должны.

К месту аварии приближались разноцветные огоньки, но Чонин уже не ждал спасения. Ему было всё равно.

Голоса подоспевших работников скорой помощи и вой полицейской сирены слились в одну до боли знакомую мелодию. В угасающем сознании мужчины в агонии металась обрывки воспоминаний...

Глава 7.

Плотно закрыв дверь палаты, я тут же вытащила телефон и дрожащими от волнения пальцами начала тыкать в сенсорный экран, выискивая в справочнике номер матери. Когда мне всё-таки удалось нажать на «вызов», я начала сходить с ума от бесконечных гудков.

— Алло, Дахи? — слышался в трубке обеспокоенный голос родительницы. — Что-то случилось?

Сославшись на занятость, я быстренько узнала всё, что меня интересовало, и повесила трубку, мысленно отвечивая пинки Ким Чонину.

Моя мама приедет в Сеул, чтобы выхаживать этого засранца? Надо же было такое придумать! А я ещё, главное, ему поверила! Нет, мама на самом деле разговаривала с Чонином (кто бы сомневался!), но приезжать не собиралась.

Более того, она считала тяжёлое состояние бывшего отличным шансом наладить наши отношения и велела мне всячески о нём заботиться и как можно чаще навещать. Я не стала ничего возражать, заранее зная всю бесполезность данного занятия.

Если человек свято верит в то, что между бывшими супругами вновь вспыхнут какие-то чувства... Его просто невозможно переубедить. В своих мечтах мама уже видит, как Чонин целует мои ручки, растроганный заботой и пакетом с апельсинами, которые он так любит.

Ладно, я на самом деле готова таскать ему цитрусовые, только бы эта женщина-катастрофа как можно дольше оставалась в Пусане. Я люблю её, но в моей жизни сейчас и без того хватает стресса.

Размышляя о том, что этот день никогда не закончится, вошла в кабинет Лухана. Мужчина сидел за столом и сосредоточено водил взглядом по каким-то бумагам. Заметив меня, он быстро сложил все документы в ярко-синюю папку и убрал её в верхний ящик стола.

— Прости, ты, наверное, очень занят, — наблюдая за его суетливыми действиями, я корила себя за то, что ворвалась без стука.

— Не особо, — пожал плечами Лухан.

— У тебя дежурство, да? — смущённо улыбнулась я, набираясь смелости заговорить с ним о том, ради чего пришла.

— Да.

— А с Сяо Мэй?.. — слова сами слетели с моего идиотского языка. Что я несу?

— С ней моя мама.

Мужчина бросил мимолётный взгляд на рамку, стоящую на столе среди горы бумаг. Я знала, он смотрит на фотографии дочери и жены, но у меня не было сил думать об этом. К тому же, новость о том, что с Сяо Мэй сидит Лу Ифэй, а не несносная Ким Дасом, грела душу.

— Лухан, — дальше оттягивать не было смысла, и я уверенно посмотрела прямо ему в глаза, — спасибо, что прооперировал Чонина.

— Это моя работа, — спокойно ответил он.

— Знаю, но... Всё равно, спасибо, — эти слова давались мне не легко. Я говорила не только как бывшая жена пациента Ким Чонина, но и как врач. Как профессионал, который вёл себя крайне непрофессионально. — Я должна была совладать с эмоциями и лично сделать ту операцию...

Лухан резко покачал головой, заставляя меня замолчать:

— Дахи, ты не должна себя винить.

Когда первые эмоции улеглись, во мне проснулась ущемлённая профессиональная гордость и стыд, что заведующая отделением не справилась с такой простой задачей. Казалось, что я подвела главврача, который поверил в меня и назначил на столь ответственную должность.

— Если бы ты не оказался рядом, Чонин был бы мёртв. Из-за меня.

— Не говори так, это не правда.

Мужчина со скрипом отодвинул стул и встал, чтобы... обнять? Я сделала шаг назад, и он замер, не решаясь подойти ближе.

— Всё, к чему я прикасаюсь, превращается в огромную кучу дерьма. Так почему ты всё ещё со мной разговариваешь? — голос предательски дрогнул.

— Просто не хочу, чтобы ты была одна, — проронил Лухан.

— В любом случае, спасибо. Ты настоящий друг.

— Не хочу быть просто другом. Мне нужно большее. Мне нужна ты.

Сказал... Я столько лет мечтала это услышать... Но, Господи, почему так не вовремя? Не стоило ему этого делать.

Для любви, кто бы что ни говорил, очень важно выбрать правильное время, а Лухан выбрал неправильное. Мужчина просто поспешил или, может, опоздал — кто теперь сможет сказать точно?

В голове творился настоящий хаос. Я должна была ликовать, услышав долгожданное признание, и всё же чувствовала лишь безграничную усталость. Лухан молча всматривался в моё лицо, не решаясь нарушить молчание.

— Лу, — неуверенно начала я, — прости, но сейчас... я не могу тебе ничего ответить.

— Я понимаю, — быстро ответил мужчина.

Он, конечно, не понимал, да и я не могла понять своих чувств. Мужчина моей мечты признался, что я нужна ему. ЕМУ! Сколько же сомнений его обуревало? Как долго он мысленно вымаливал прощение у усопшей супруги за то, что собирается делать? Сколько прокручивал в голове разговор с матерью и Сяо Мэй, раз за разом представляя меня в качестве их новой невестки и... Когда всё успело так усложниться?

— Спасибо, — ещё раз повторила я, хватаясь за ручку двери, — увидимся завтра.

Не давая Лухану опомниться, я на ватных ногах вышла из кабинета и направилась домой, мечтая лишь о мягкой постели и крепком сне.

Сказать, что я чувствовала себя паршиво, значит, ничего не сказать. Две недели до долгожданного отпуска я провела на автомате, работала, как проклятая и постоянно гаркала на Пак Чанёля.

Теперь, когда Хвостик Хеми перестала таскаться за рыжеволосым «Вирусом идиотизма» (прозвище моего собственного сочинения) и выполнять его работу, доктор Пак получал нагоняи в три раза чаще. Остаётся только догадываться о том, что же между ними произошло, но мне определённо нравятся те перемены, которые произошли в Ли Хеми.

Кажется, изменения эти не оставили равнодушным и До Кёнсу. Я частенько замечала, как он помогает хрупкой худышке Ли посадить пациента в кресло-каталку, и ловила себя на мысли, что эти двое могли бы стать отличной парой.

Что же касается О Сехуна, то он больше не заикался о Чонине, к которому, кстати, я навевывалась каждый день, обнаруживая в себе скрытые склонности к мазохизму. Нет, серьёзно, только конченный любитель унижений мог вытерпеть его многочисленные подколы. А заметив напряжение между мной и Луханом, Ким Чонин и вовсе стал мастерски играть в «Как достать Ким Дахи». Господи, подари мне терпение и силы противостоять искушению задушить его казённой подушкой.

Эти две недели я старалась не попадаться Лу на глаза, хотя сделать это было весьма и весьма сложно, учитывая то, что я постоянно сидела у бывшего супруга, который был пациентом Лухана. Мужчина ни словом не обмолвился о том знаменательном разговоре и выбивающим почву из-под ног признании, так что мне начало казаться, что его и вовсе не было. Сама заговорить с ним я пока что не решалась, потому как до сих пор не пришла ни к какому решению.

Когда же наступил столь желанный отпуск, я собралась к маме в Пусан и купила билеты, умудрившись в день отъезда подхватить простуду. Следующие три дня я провела в

полном одиночестве, глядя на идеально побеленный потолок своей квартирki и горстями глотая жаропонижающее.

Дасом переехала в новую квартиру, что не могло меня не радовать. Вот только жильё сестры находилось в районе Йонсангу, в квартале от дома Лухана. И что-то мне подсказывало, что она выбрала это место, не потому что на работу ближе добираться. Ей я, конечно, никогда не признаюсь, но без сестры мне было скучно и очень одиноко.

Я испуганно дёрнулась, когда тишину квартиры нарушил телефонный звонок.

— Хватит дома сидеть, — оглушил меня голос Чондэ, когда я поднесла трубку к уху, — а то плесенью покроешься!

— Не покроюсь!

— А вот и покроешься, — передразнил меня мужчина. — В общем, я заеду через два часа, и мы пойдём в «Алмаз».

Не успела я что-то возразить, как раздались гудки отбоя.

— Чондэ, мать твою, — ворчала я, раз за разом набирая номер друга, который намеренно игнорировал мои звонки.

Телефон издал короткую трель, и я тут же открыла сообщение от Чондэ: «У тебя осталось полтора часа ^.^».

— Да чтоб тебя, — вопила я, судорожно приводя себя в порядок, отыскивая нужное платье и вываливая на кровать всю свою косметику.

Уже через какие-то три-четыре часа я спускалась на второй этаж к раздевалкам, пробираясь через облако табачного дыма. В «Алмазе» было запрещено курить в танцевальном зале, поэтому все любители сделать затяжку-другую выходили в узенький коридорчик, и цепочка из курящих людей тянулась по лестнице до второго этажа.

Выпрямившись так, словно проглотила учительскую указку, я вышагивала под пристальным взглядом пьяных мужиков, лозящих мой раздражённый взгляд и отвечающих на него пошлыми улыбками. Они были похожи на огромных напившихся кровью комаров.

Я продолжала спускаться, а в душе с переменным успехом сражались раздражение и паника. Трудно оставаться естественной, когда за тобой так пристально следят. Лестница казалась бесконечной: с каждым моим шагом к ней словно прибавлялись две новые ступеньки.

Меня не покидала уверенность в том, что, как только моя спина исчезнет за поворотом, курильщики, как по волшебству, достанут таблички с оценками:

5.7!

5.6!

5.3!

И всё из-за Чондэ! Собрал компанию, притащил в клуб, тут же смылся в VIP-ложу с какой-то фигуристой мамзелью и всё, пропал на всю ночь. А меня оставил надираться в баре.

— Каждый раз одно и то же, — шептала я, пьяно покачиваясь на высоких каблуках.

5.8!

5.8!

6.0?

— Скучаешь, милашка? — подскочил ко мне раскрасневшийся пузан. — Может, составить тебе компанию?

— Мне и одной неплохо, — я отмахнулась от мужчины, размышляя о несовершенстве естественного отбора. И как земля вообще носит таких мерзких типов?

— Зря отказались! Мужчина-то солидный...

Обернувшись на голос, я увидела сына главврача. Окружённый плотной завесой тусклого сигаретного смога, он был похож на джина, высвободившегося из плена волшебной лампы.

— Надо же, 3D-галлюцинации! — я неловко провела большим пальцем по его скулам. — Ох Ссыкун?

— О Сехун, — мягко поправил он, придерживая меня под локоток.

— Настоящий? — от удивления я чуть не рухнула на пол. Ноги еле держали.

— Да вы же пьяная в хлам! А ведь совсем недавно кто-то говорил об ответственности. Как же так, доктор Ким? Негоже человеку, в чьих руках находятся чужие жизни, до такой степени надираться!

— Отпуск у меня! Имею право!

Попытка эффектно удалиться провалилась, и вот уже перед глазами маячили потертые джинсы интерна. Вестибулярный аппарат, предатель, решил конкретно подставить свою незадачливую хозяйку. Сехун терпеливо помог мне подняться и, не слушая мои недовольные возгласы, потащил куда-то наверх.

Я плохо помню, как оказалась в одной из VIP-лож, скрытых от глаз других отдыхающих, в

окружении незнакомых мне друзей О Сехуна. Изрядно выпившие, они не обращали внимания ни на самого Се, ни на странную женщину в ярко-синем платье, сложившую голову на его плечо.

Я была так пьяна, что не было сил даже подняться, к тому же меня постоянно клонило в сон. И я даже умудрилась заснуть, но надоедливый врач-интерн поспешил меня разбудить. Да, кто-то хорошенько надрался!

Один из молодых людей что-то крикнул, и вся компания дружно высыпала на танцпол, оставив нас с Сехуном совершенно одних.

Сын главврача потянулся за сигаретой, которую я тут же отобрала:

— Курить — здоровью вредить, Ох Ссыкун!

— О Сехун! — упрямо поправил меня парень, — Алкоголь, кстати, тоже вреден для здоровья!

— Руководителя интернатуры учить вздумал? — хитро прищурилась я.

— С каких пор мы перешли на «ты»? — лениво ответил интерн.

От него так пахло сигаретным дымом, что сердце отбивало, как сумасшедшее. Воспаленный мозг тут же подкинул сцену нашего никотинового поцелуя. Поцелуя, существовавшего лишь в мире грёз ненормальной Ким Дахи.

— Хотите получить свидетельство об окончании интернатуры? — вкрадчиво спросила я, переходя на официоз.

Интерн попытался освободиться от моих пальцев, сминающих ворот его рубашки. Не теряя времени, я легла на диван, увлекая за собой опешившего парня.

Что, не ожидал такого поворота? Да, О Сехун?

— Делайте! — шумно выдохнула.

Никак не ожидала, что хиленький сыночек главврача окажется таким тяжёлым. Придавил, так придавил!

— Что? — его недоуменное лицо было в nepозволительной близости, а чуть приоткрытые губы напоминали о никотиновом поцелуе.

Кажется, я окончательно свихнулась на почве того дурацкого поцелуя.

— Не думала, что Вы такой тупенький Ох Ссыкун, — застонала я, закатывая глаза. — Искусственное дыхание рот в рот!

— Прямо здесь? Сейчас?

— Да! И как можно быстрее, а то пациент умрет, так и не дождавшись помощи. С этим-то Вы справитесь, Ох Сексун?..

— О Сехун!

Я медленно закрывала глаза, старательно изображая пациента. Ну же, О Сехун, удиви меня!

Ох Ссыкун, также известный как О Сехун, каменной статуей застыл на Ким Дахи, боясь пошевелиться и весьма смутно представляя, чего от него хотят. Парень вдыхал едва ощутимый запах лекарств, исходящий от женщины и думал о том, что заведующая навсегда впитала в кожу эти больничные ароматы.

Сын главврача видел множество пьяных девушек, и ни одной из них не приходило в голову заставить его делать искусственное дыхание. Сехуну оставалось только радоваться, что не «изо рта в нос».

— Пип-пип-пип-пип, — резко распахнув глаза, Дахи упёрлась ладонями в грудь Сехуна, заставляя парня подняться.

— Что за?.. — интерн чуть привстал, позволив чудачке выползти из-под него.

Быстро одёргивая короткое платье, женщина присела на краешек дивана:

— С прискорбием Вам сообщаю, что больной трагически скончался, — пафосно заключила она, переворачивая Сехуна на спину. — А теперь, — девушка плавно мазнула ладонью по его лицу, заставляя инстинктивно закрыть глаза, — я покажу Вам, как надо делать искусственное дыхание...

После такого заявления молодой человек попытался встать, но тут же получил щелчок по носу. Услышав недовольное шипение Дахи, он решил позволить ей делать всё, что придёт в голову. В конце концов, это даже приятно.

Горячее дыхание обожгло его щёку. От уверенных касаний холодных пальцев по телу поплыли ледяные островки. Одной рукой Ким Дахи удерживала голову интерна, а другой — зажала ему нос.

О Сехун недовольно поморщился, но стерпел, за что тут же был вознаграждён. Женщина открыла его рот, проследив, чтобы язык не закрывал гортань, и сделала пять быстрых выдохов. Горячий язычок мелькнул в глубине её рта, и Сехуну мучительно захотелось поцеловать Дахи.

— И как вам это нравится? — услышался чей-то разъярённый голос, и столь приятное ощущение чужих тёплых губ мигом улетучилось. — Я её, значит, по всему клубу ищу, а она в «Спасателей Малибу» играет!

Сехун тихо чертыхнулся, увидев крайне недовольного Ким Чондэ.

— Ой, это же Чэнь-Печень! — радостно воскликнула Ким Дахи.

Глава 8.

Я очень хорошо помнила всё, что происходило в клубе, вот только не знала, как добралась домой. А, я и не добралась! Точнее, добралась, но не до своего дома, а до квартиры Чондэ.

Я в позе эмбриона лежала на самом краю его кровати и шурилась от солнечных лучей, проникающих в комнату сквозь огромное окно.

Из одежды на мне были только чёрная кружевная комбинация и серая рубаша, пахнувшая кондиционером для белья. Наверное, это Чэнь-Чэнь меня передел. И если у меня и появилось желание устроить истерику по этому поводу, то оно испарилось в тот же миг, когда я увидела друга, лежащего на полу.

Он не спал, а только лениво зевал и копался в своём телефоне. На его шее красовалась здоровенная тёмно-фиолетовая гематома. Засос.

— Доброе утро, — мужчина натянул служащую ему одеялом простыню так, чтобы не было видно засоса.

— Это я тебя так? — у меня не было ни малейшего сомнения в личности человека, поставившего ему эту отметину.

— Ты, конечно! Кто же ещё?! — хитро улыбнулся Чондэ. — Спасала меня, «яд» из ранки отсасывала!

У многих людей есть свои «пьяные» привычки, а Дахи так любит медицину, что в состоянии алкогольного опьянения начинает спасать всех, кто не успеет вовремя спрятаться. Отсюда и искусственное дыхание О Сехуну, и отсасывание яда, и... клизма для Ву Ифаня, моего студенческого знакомого.

Ким Чондэ до сих пор припоминает мне тот случай, когда я пыталась стянуть с бедолаги штаны с твёрдым намерением ввести воду через задний проход. Ифаня тогда спасло лишь то, что он был гораздо сильнее меня и успел вовремя удрать, иначе... Ой, даже думать об этом не хочу!

Университет ещё долго содрогался от гомерического хохота моих однокурсников, а Фу Иван (в подпитии я постоянно даю людям какие-то странные прозвища) больше ни разу со мной не заговорил. И его нельзя в этом винить.

— Ничего, до свадьбы заживёт, — ответила я, перебираясь к Чондэ на пол. — Лучше скажи, почему привёз к себе?

— Не хотел оставлять тебя одну. Думал, ты эту ночь вообще не переживёшь! Кстати, если бы не моё вмешательство, ты бы прямо в клубе изнасиловала любимого сыночка главврача! — процедил Ким Чондэ. — Можешь не благодарить.

Воспоминания о ночных приключениях посыпались как из рога изобилия, больно жала

постыдными подробностями.

— Славно погуляли, — я схватилась за голову, страдая от жуткого похмелья. — Чэнь-Чэнь, а у тебя минералки не найдётся?

— Не найдётся. В магазине поищи, — отрезал друг.

— Не могу, сумку в клубе потеряла!

— Ты потеряла, а я нашёл, — ворчал Чондэ, — и всю ночь с ней таскался. В коридоре она, короче!

Мужчина злился, но я знала прекрасный способ его отвлечь. Щекотка! Чондэ смеялся, как умалишённый, уворачиваясь от моих холодных рук, проскользнувших под его майку.

— Смотрю, вчерашние приключения Дахи совсем не волнуют. Не боишься, что Сехун донесёт папочке о твоём плохом поведении, доктор Ким?

— Не боюсь, — фыркнула я, усаживаясь напротив взъерошенного Чондэ.

— Правда? И почему же, моя бесстрашная малышка? — удивился друг.

— Сехун этого не сделает, потому что бесстрашная малышка может донести главврачу о ЕГО плохом поведении.

Ким Чондэ явно ждал каких-то подробностей, но я быстренько перескочила на другую тему:

— Скажи, я тяжёлая?

Я вспомнила, как друг взвалил меня на спину и нёс так от такси до квартиры. Лифт в доме Чондэ был скорее для красоты, чем для перемещения жильцов.

— Ну, как тебе сказать... Словно мешок картошки пёр на своём горбу.

— Придурок!

Чондэ ничего не ответил, только достал телефон и тут же начал набирать сообщение. Оставив его наедине с любимым гаджетом, я удалилась в ванную приводить себя в порядок, чтобы сходить в магазин. Моё платье выглядело ужасно, а пахло и вовсе омерзительно, поэтому пришлось позаимствовать джинсы Чондэ, висящие на сушке.

Я стояла перед зеркалом в мужской рубашке и длиннющих тёмно-синих джинсах и еле сдерживала смех. Куда я пойду в таком виде? Может, позвонить Дасом, чтобы она привезла одежду? От этого варианта я решительно отказалась, представляя, какой допрос мне устроит сестра. К тому же, она сейчас должна быть на работе.

Дверной звонок заставил меня судорожно обхватить голову руками. Ох, как же громко!

Нет, честно, у Кима не звонок, а раскаты грома какие-то!

— Чондэ, открой уже эту чёртову дверь! — крикнула я, высунув голову из ванной комнаты.

— Сама открой, я в туалете! — послышалось в ответ.

Тяжёло вздохнув и ещё раз окинув взглядом свой наряд, я пошла к входной двери. Когда мне наконец-то удалось совладать с мудрёным замком, я увидела на пороге Лухана:

— Привет, — он неуверенно улыбнулся, проходя в прихожую.

— Привет, — рассеяно ответила я и зачем-то поклонилась. Кажется, позориться перед этим мужчиной уже вошло у меня в привычку. — Что ты здесь делаешь?

— Это я его позвал, — спокойно заявил Чондэ, протягивая Лухану мою сумку и пакет с платьем. — Кто-то же должен отвезти нашу принцессу домой!.. Точно, Лу, туфли тоже возьми, я ей свои кроссовки одолжу, а то глупо в таком прикиде и на шпильках...

— Да всё равно в машине никто не увидит, — фыркнул Лухан, но туфли всё же взял. — Ну что, поехали?

— Эммм... подожди меня в машине, пожалуйста, — попросила я.

Как только шаги Лу стихли, я набросилась на Чондэ:

— Какого чёрта ты вытворяешь?

— А что, собственно, тебя не устраивает? — друг скрестил руки на груди и нахмурился.
— Если бы не я, вы бы так и бегали друг от друга, как два идиота. Лучше бы спасибо сказала.

— Спасибо? — взвизгнула я, но, почувствовав острую головную боль, всё же сбавила тон. — Что-то не помню, чтобы просила тебя вмешиваться, купидон доморощенный!

— Я просто хотел помочь тебе!

— Помочь? Да, я такая жалкая, что уже без посторонней помощи ничего сделать не могу. Реву целый день белугой, а ты у нас добренький самаритянин, так выходит?

— Дахи, прекрати...

— Прекращу. Вот только никак не могу взять в толк, ты что, карму себе зарабатываешь за мой счёт или как? Сколько ещё благодеяний тебе нужно для полного счастья?

— Просто...

— Просто оставь меня в покое, Ким Чондэ. Сама справлюсь.

Мужчина пытался ещё что-то сказать, но я пулей выскочила из квартиры. Босиком. Да-да, очень умно с моей стороны.

Если Лухан и удивился, когда я босиком запрыгнула в его машину, то виду не подал. Он подождал, пока я надену туфли и разберусь с ремнём безопасности, и только потом заговорил:

— Ты злишься?

— Нет, — пришлось соврать, потому что рядом с ним я не могла себе позволить быть разъярённой фурией. Перед Луханом всегда хотелось казаться лучше, чем ты есть на самом деле.

— А я злюсь, — тихо сказал он.

Я удивлённо посмотрела на мужчину. Он был как всегда спокоен и непоколебим, разве что пальцы, чересчур сильно сжимающие руль, выдавали его состояние.

— Лу, я не понимаю...

— Нет, это я тебя не понимаю, Дахи. Стоило рассказать о своих чувствах, как ты начала избегать меня! А сегодня мне пишет Чондэ и просит забрать тебя, потому что вы, видите ли, неслабо покутили!..

Лу продолжал стыдить меня, монотонно бубня себе под нос, а я умирала от головной боли. Вдобавок, у меня разболелся живот. Хотелось просто добраться до дома и тихо умереть.

У меня не было сил спорить и что-то доказывать. Да и зачем? Всё же он прав, я запуталась сама и запутала других.

— Почему ты не на работе? — устало спросила я, закрывая глаза.

— Разве это сейчас важно? — вздохнул он.

Мужчина заметил, что со мной что-то не так, только когда мы остановились у подъезда моего дома.

— Дахи, тебе плохо? — спросил он, наблюдая за тем, как я достаю с заднего сидения сумку и пакет с платьем.

— Видимо, мы с Чондэ на самом деле неслабо покутили! — быстренько попрощавшись с Лу, отправилась восвояси.

Было так плохо, что я вызвала врача на дом, и тот очень быстро определил причину моего недомогания. Ветряная оспа. Проще говоря, ветрянка. В двадцать девять лет. Восхитительно!

Больше всего меня волновало не то, что Дасом вновь переехала ко мне и четыре раза в день мазала меня с ног до головы зелёной, и даже не то, что болезнь выпала на отпуск, а состояние О Сехуна. Если после моего искусственного дыхания он подхватил ветрянку, я от стыда умру.

Пришлось звонить на работу, делая вид, что беспокоюсь за здоровье интернов, с которыми проводила много времени перед тем, как уйти в отпуск. Медсестра Кан успокоила меня, сказав, что все интерны уже болели ветряной оспой, и пообещала внимательно следить за пациентами на предмет обнаружения симптомов этой заразной болезни.

Когда Лухан узнал, что я заболела, он тут же вызвался меня навестить. Мужчина переболел ветрянкой ещё в университете, на первом курсе. Я тогда очень хотела ухаживать за ним, мазать каждый миллиметр фарфоровой кожи зелёной, касаться кончиками пальцев его лба, поправляя мокрую чёлку... Тогда я и представить не могла, что через несколько лет Лу будет напрашиваться ко мне в гости, а я отвечу ему отказом.

Любить его издалека было одновременно мучительно больно и легко, но серьёзные отношения меня пугали. Всё же у Лухана своя семья, дочь, которой я никогда не смогу заменить мать... Нет, просто не могу. Не умею.

Я и так по уши погрязла в собственных проблемах, чтобы ещё взваливать на себя чужие. Не хочу всю жизнь притворяться, что для меня не имеет значения, кто родил Лухану эту девочку. А если он когда-нибудь решит уйти, как это сделал Чонин, я просто умру.

В целом болезнь протекала в довольно лёгкой форме, но сидеть дома было невыносимо скучно. Дасом постоянно ходила хмурая, потому как возиться со старшей сестрой явно не входило в её планы. Она очень сильно уставала на работе и, закончив с моей сыпью, заваливалась спать. Я же часами не могла уснуть, мучимая нестерпимым желанием чесаться-чесаться-чесаться. Даже успокоительное не помогало справиться с искушением потереться о край стола или об дверную ручку.

Единственной отдушиной для меня стало общение с Чондэ по скайпу. Разумеется, мы помирились. Я не умела долго злиться на друга, так что мы болтали ночи напролёт, и это здорово отвлекало от надоедливой чесотки. Мне даже не было стыдно предстать перед ним с лицом, усыпанным огромными зелёными пятнами.

Один раз Дасом решила приколоться и нарисовала мне зелёной на особенно болючем прыще муху. Даже крылышки пририсовала. Чондэ как увидел это, так чуть не лопнул от смеха.

Обычно его довольно трудно заткнуть, он постоянно балаболит, но в последнее время мой друг стал очень часто засыпать прямо во время наших разговоров. В такие вечера я включала какую-нибудь тихую музыку и смотрела, как мужчина сопит. Вот такой он человек, даже через монитор компьютера умудряется дарить домашний уют и чувство защищённости.

Спящий Ким Чондэ был похож на ангела. Так и не скажешь, что этот мужчина тот ещё тролль и любитель подколоть окружающих:

— Прости, Чэнь-Чэнь, — прошептала я, проводя пальцами по монитору, — в последнее время у меня стало слишком много секретов от тебя. Но пойми, я должна научиться справляться с проблемами без твоей помощи.

Я прервала звонок и закрыла крышку ноута.

Чондэ сам не успел заметить, как Ким Дахи стала его религией — просочилась под кожу, запала в сердце и захватила мысли. Он сходил по ней с ума, а она влюбилась в его друга Лухана. Это было так несправедливо, ведь Ким Чондэ никогда бы не смог соперничать с таким парнем, как Лу.

Безответная любовь оказалась весьма болезненной штукой. Парню хотелось встретить такую девушку, которая ответит на его чувства, сэкономит время, нервы и... сердце. Трусливо, зато безопасно.

Отец постоянно говорил Чондэ, что лучше минуту побыть трусом, чем всю жизнь покойником, и сын весьма странно истолковал его слова. Он так и не решился признаться Дахи, только постоянно подкалывал её, стараясь привлечь внимание любимой девушки. Иногда ему даже казалось, что лёд в её сердце начинает таять, и Чондэ решался подойти ближе, но каждый раз бился лбом о ледяную корку. Да, замкнутость девчонки была патологической и непробиваемой. Хотя некоторые сдвиги всё же были.

Когда же он узнал, что Лухану тоже нравится Дахи, то поставил перед другом выбор: либо дружба с ним, либо шуры-муры с Дахи. В чужой стране Ким стал для Ханя опорой и постоянной поддержкой, и Лу очень дорожил дружбой с ним, поэтому и выбрал Чондэ.

Чондэ ненавидел себя за тот поступок, ненавидел Лухана за тот выбор, и, наконец, ненавидел Дахи за то, что она не замечала его чувств. Но намного хуже всего стало, когда в их жизнь вторгся этот козёл Ким Чонин. Как он смотрел на его девочку, как обнимал её... Невыносимо!

И всё же Чондэ тогда нашёл силы, чтобы подойти к Чонину:

— Хочешь совет?

— Не хочу, но ты же все равно не отстанешь, так что валяй! — лениво протянул тот, скользя по Чондэ незаинтересованным взглядом.

— Если хочешь избежать конфликтов с Дахи, тогда корми её ближе к концу свидания. Голодная, она всегда кроткая и абсолютно всем довольная, а как поест — сразу начинает выискивать, к чему бы придраться...

Потом была свадьба. Свадьба его Дахи с этим самым Чонином. Тогда Чондэ думал, что

невозможно ненавидеть сильнее, но, когда он увидел безжизненный взгляд любимых карих глаз... В тот день Чонин бросил Дахи. Растоптал её. Вот урод!

Чондэ всегда желал ей только добра, но вмешиваться в жизнь подруги стало его дурной привычкой. А сейчас... сейчас он просто пытается исправить то, что когда-то натворил. Свести её с Луханом. Да, так будет правильно. Они заслужили счастье. Но, сидя на заднем сиденье такси, он уже не был так уверен в своей правоте. Дахи присасывалась к его шее, а Чондэ даже не пытался её остановить. Он только закрыл глаза и сосредоточился на касаниях её губ.

Мужчина перевёлся на другое место работы, стал реже с ней общаться, но сбежать от чувств к Дахи было невозможно. Да и не хотелось.

Глава 9.

Я избавилась от высыпаний за несколько дней до выхода на работу. Обидно, конечно, что весь отпуск провела дома, за исключением той дурацкой вылазки в «Алмаз» с Чондэ, зато у меня было много времени подумать. На некоторые вещи я начала смотреть по-другому. Например, на любовь.

Мои безответные чувства к Лухану были щемящими, терпкими, медленно засасывающими в пучину. Любовь к Чонину же казалась вирусной, простой обманкой, из-за которой я постоянно балансировала на грани пропасти.

Все девчонки моего курса любили Ким Чонина, и я не стала исключением, хотя теперь уже и не уверена, что это были настоящие чувства, а не попытка пойти по лёгкому пути. Да, мне больше нравилось быть любимой, чем любить без какой-либо надежды на взаимность.

Для себя я давно определила, что любовь не измеряется в количестве моментов, когда забываешь дышать, потому как любовь — это сам воздух. Нет ничего более реального и в то же время более абстрактного, чем это прекрасное чувство.

Сейчас мне хотелось спокойствия и уверенности в завтрашнем дне. Жить без драмы — вот такую цель я поставила перед собой.

Во всём хаосе, который в последнее время творился в моей жизни, только проверенная временем дружба с Ким Чондэ казалась настоящей. Если честно, то он давно перестал быть просто другом.

Чэнь-Чэнь — моя семья, и все дни, проведённые практически в полной изоляции, были наполнены им. Теперь, когда я вышла из отпуска, мы снова будем очень редко общаться, и от одной этой мысли стало очень грустно.

Находясь под наплывом эмоций, я позвонила другу:

— Я люблю тебя, Чэнь-Чэнь! — выпалила я, по давней традиции пропуская приветствия. Такое я могла позволить себе только с ним.

Никакого ответа. Несколько секунд в трубке слышалось только тихое дыхание, а потом меня оглушил смех Чондэ.

— Дахи, если будешь часто такое говорить, то я начну в это верить! — еле выдавил он.

— Ким Чондэ, почему тебе всё время надо испортить момент? — негодовала я.

— Дахи, — выдохнул мужчина, — ну ты просто... чёрт, я тоже тебя люблю.

От неожиданности я остановилась прямо перед разъезжающимися дверями родного отделения неотложки. Он сказал эти слова так спокойно и естественно, что у меня перехватило дыхание. Я ждала, что Чондэ рассмеётся или скажет: «Купилась,

тупорезка?», но мужчина продолжал молчать.

— Чондэ, ты...

— Ким Дахи, почему тебе всё время надо испортить момент? — передразнил меня друг, захлёбываясь в смехе.

Представляю, каких трудов ему стоило сделать такой серьёзный голос во время «признания».

— Ты такой кретин, что у меня просто слов нет! — рявкнула я, заставив одну из проходящих мимо медсестёр испуганно вздрогнуть.

— Поверила, да? — снова заржал друг. — Уже, небось, о свадьбе и детишках мечтать начала?

— Ты же знаешь, ни о какой второй свадьбе и речи быть не может! — уходя от темы, пробурчала я. — Ладно, я ещё позвоню тебе сегодня. Пока!

Я спрятала телефон в сумку и вошла в ординаторскую, в которой меня ждала доктор Мин, занимающая мой пост, пока я была в отпуске. Она передала мне кое-какие документы, и, поклонившись, отправилась к пациентам.

Пока я была в-отпуске-на-больничном, доктор Мин звонила мне практически каждый день, во всех подробностях рассказывая о том, что происходило в отделении. Она оказалась очень ответственной и дотошной, но весьма доверчивой.

За несколько недель женщина умудрилась три раза отпустить Пак Чанёля с ночного дежурства. Сначала интерн сказал ей, что у него больна мать и за ней необходим постоянный уход, потом у него неожиданно «умерла» бабушка, и доктор Мин отпустила его на похороны, а в третий раз он провожал лучшего друга в армию... Надо признать, что отмазки доктора Пака были на уровне детского сада, но добросердечная женщина продолжала верить ему.

Лухан тоже названивал каждый день и рассказывал о самочувствии Чонина, хотя мне было достаточно знать, что он пошёл на поправку, а остальное меня уже не касалось. Я решила, что больше не хочу иметь с ним ничего общего и чётко объявила об этом и самому Ким Чонину, и своей матери, так ярко жаждущей нашего воссоединения.

Мы расстались отнюдь не на положительной ноте и никогда не сможем быть друзьями. Я никогда не прощу его за те унижения, которым он меня подверг за время развода, и искренне надеюсь, что наши дороги больше не пересекутся. В любом случае звонки Лухана прекратились в тот день, когда бывшего выписали из больницы.

Вернувшись на свой пост, я решила хорошенько взяться за Пак Чанёля. Теперь эта рыжеволосая башня везде и всюду следовала за мной. Я даже разрешила интерну присутствовать на операциях, надеясь, что из этого выйдет хоть какой-нибудь толк. Впрочем, моей целью было не только сделать из Пака толкового специалиста и выбить

всю дурь из его головы, но и по возможности избегать разговора с Луханом и Сехуном. Ни тот, ни другой не решались заговорить о чём-то личном, пока рядом маячил неугомонный Чанэль.

Я понимала, что глупо динамить двух самых привлекательных мужчин больницы Арым, но была не готова объясниться с Сехуном и тем более с Луханом.

Перед первым мне было банально стыдно за своё поведение в «Алмазе», которое он мог неверно растолковать, а перед вторым... С Лу всё было намного сложнее. Каждый наш телефонный разговор заканчивался его тихим признанием в любви и моим нерешительным молчанием. Я всё ещё люблю его, но знаю, что ему нужно что-то большее, чем простая любовь. Лухану нужна жена, мать для Сяо Мэй, невестка для Лу Ифэй. Он хочет уверенности в завтрашнем дне, а я полна нерешимости и противоречий.

— Дахи, — позвал меня сидящий напротив Минсок, — ты нас вообще слушаешь?

— Слушаю, слушаю, — заверила я, вяло ковыряя вилкой в тарелке и поглядывая на интернов, сидящих за соседним столиком.

Я была практически уверена, что Лухан не появится в столовой и как обычно пропустит обед, но всё равно чувствовала некую тревогу, готовая в любой момент подозвать к себе Чанэля и унести с ним осматривать пациентов.

— Что-то не похоже, что ты слушаешь, — хмыкнул Ким Минсок, поправляя очки.

Что не говори, а мужчины — жуткие сплетники. Даже хуже женщин. Минсок и новый анестезиолог Ким Чунмён вовсю делились со мной больничными новостями. Так я узнала, что любимого племянника мэра и главного врага всех медсестёр нашей больницы, Бён Бэксёна, после очередной аварии доставили в Арым и через каких-то полчаса переправили на вертолёте в Германию. На этот раз у парня серьёзные проблемы с позвоночником, и в нашей стране ему не смогут предоставить должное лечение.

— Кстати, а этот Ким Чонин, о котором говорила вся больница, на самом деле твой бывший муж? — хитро прищурившись, поинтересовался Минсок.

Когда я впервые увидела Минсока, он показался мне серьёзным, сдержанным в общении и уверенным в себе мужчиной, а оказался тем ещё прохвостом. Пожалуй, он чем-то напоминал мне Чондэ, разве что улыбался гораздо реже.

— Да, — спокойно ответила я, пожав плечами. — Ты мне лучше расскажи, почему убрали вазу с любовными записками, которые тебе писали пациенты и персонал? Неужели ты начал встречаться с кем-то из больницы и решил спрятать несчастные письма, чтобы любимая не ревновала?

Минсок смущённо закашлял, а Чунмён незаметно подмигнул мне, показывая, что я попала в точку. Видимо, гинеколог и анестезиолог умудрились прекрасно спеться, раз Чунмён осведомлён об амурных делах Минсока. Значит, кто-то из наших девушек смог растопить лёд в сердце доктора Кима... Интересно, кто эта счастливица?

— Довольно жестоко было с его стороны выкидывать послания влюблённых девушек, — улыбнулся Ким Чунмён, вытирая губы салфеткой.

Мне нравился этот мужчина, хотя я знала о нём только то, что он довольно богат и живёт в престижном жилом районе, Чхондамдоне. Этих двух фактов вполне хватило, чтобы Чунмён стал новой мишенью для наших незамужних дам.

Мой телефон издал жалобную трель, и я на время выпала из беседы коллег, читая сообщение, пришедшее от О Сехуна: «И долго Вы собираетесь меня игнорировать?».

Я удивлённо посмотрела на сына главврача, делающего вид, что он безумно увлечён разговором с другими интернами. Рядом с Сехуном сидела Хеми. Девушка украдкой подкладывала в тарелку Кёнсу мясо и счастливо улыбалась каждый раз, когда он отправлял в рот очередной кусочек.

Вся больница знала, что эта парочка начала встречаться, и больше никто не называл девушку Хвостиком. Её любовь теперь была направлена на Кёнсу, который умел ценить её заботу и с готовностью отвечал на чувства Хеми.

Не дождавшись ответа, интерн написал новое сообщение, содержание которого заставило меня подавиться едой: «Кажется, я люблю Вас».

Приплыли. Вот только этого мне не хватало для полного счастья.

— Плохие новости? — спросил Минсок, кивая на мой телефон. — Ты как-то побледнела.

— Ничего особенного, просто сестра попросила помочь перевести вещи, которые она оставила в моей квартире, — соврала я.

Не успела я написать ответ, как пришло ещё одно сообщение: «Давайте поговорим».

Тяжело вздохнув, я встала из-за стола, пробурчав что-то о том, что по горло в работе, и направилась к выходу, оставив на столе поднос с недоеденным обедом.

Я не стала оборачиваться, потому что прекрасно знала, что Сехун пойдёт за мной.

Парень нагнал меня в одном из коридоров больницы:

— Я люблю Вас, — прошептал он, делая шаг мне навстречу.

Я не шелохнулась, лишь молча разглядывала парня, который теперь казался мне избалованным ребёнком. Видела ли я когда-то в нём мужчину, или во мне просто играли гормоны?

— Любовь для Вас всего лишь сдача с красоты и богатства, но это неправильно, — наконец заговорила я. — Да и не любовь это, О Сехун.

— Не любовь? А что тогда? — усмехнулся парень.

— Спортивный интерес, — ответила я, выбрасывая в урну обёртку от конфеты, которую нашла в кармане. — Разве я не права?

— А Вы? — ловко перевёл стрелки интерн. — Мне казалось, что Вы в меня...

— Вам показалось, доктор О, — похлопала я его по плечу, — просто показалось. Надеюсь, впредь между нами не возникнет такого недопонимания.

Кто бы мог подумать, что шуточное признание Ким Чондэ произведёт на меня более сильное впечатление, чем слова Сехуна. Я сама поразилась тому, насколько хладнокровно отнеслась к ситуации с «влюблённым» интерном и как быстро её разрешила. Разрешила ведь?.. В любом случае, теперь у меня будет на одну проблему меньше.

Вернувшись домой, я тут же принялась помогать Дасом собирать вещи и упаковывать их в чемодан. Работали мы практически в полной тишине. Я чувствовала, что сестра прибывает в дурном настроении, поэтому не решалась с ней заговорить.

— Я вообще не понимаю, чем ты заслужила любовь такого парня, как Лухан! — вспыхнула Дасом, когда я провожала её до метро. — Ты что, в прошлой жизни царя спасла или государство там какое-нибудь?

Я хотела ответить настоль неожиданный и нахальный выпад, но сестра не дала мне и слова сказать:

— Молчишь, да? А ведь у многих девушек при встрече с ним в голове витают только две мысли: «Боже, откуда он такой аппетитный взялся?» и «Давай займёмся сексом прямо здесь!»

— Всё сказала? — спокойно осведомилась я.

Несколько недель мы каким-то чудом умудрялись не ссориться и худо-бедно уживались под одной крышей, старательно избегая разговоров о Лухане, потому что они неизменно заканчивались скандалом. Дасом, разумеется, знала о том, что Лу постоянно звонит мне, а ещё знала о том, что между нами происходило, потому что любая мелочь, которая хоть как-то касалась её любимого мужчины, не выскальзывала из её поля зрения.

— Нет, не всё! Мне вот интересно, — задумчиво протянула наглая девчонка, не желая сдаваться, — долго ли он выдержит? Сколько ещё будет твоим бумерангом, который всё время возвращается, как бы сильно его ни бросили?

Я поставила опостылевший чемодан на асфальт и тяжело вздохнула:

— А ты у нас, я смотрю, вся такая чистая и невинная! Прямо отбеливатель какой-то! У тебя что, дар никогда не пачкаться? Объясняю для тупых: я не люблю получать то, чего не просила, а потом ещё выслушивать упрёки за то, что не оценила чужие старания.

— О любви, дорогая сестрица, не просят. Её либо получают, либо нет, — прошипела она.

— Вот и прекрасно, значит, я сама решу, кому дарить любовь, а кому — нет. И, к сведению, у нас с Луханом не такие отношения, как ты думаешь. Он не мой бумеранг.

— Просто ты слепая дура, которая не видит ничего дальше своего носа, — выпалила Дасом и, схватив чемодан, побежала в сторону метро.

Кажется, нашему с Дасом перемирию пришёл конец, но слова сестры задели меня за живое. Лухан не заслужил такого отношения к себе, и я просто обязана дать ему ответ. Я вспомнила, что у мужчины сегодня дежурство, поэтому поймала такси и поехала напрямик в больницу, пока не растеряла всю решительность.

В кабинете Лу не оказалось, поэтому я присела на стул, стоящий напротив его рабочего стола, и стала ждать. Я не определилась с тем, что скажу мужчине, решив для начала просто поделиться с ним теми опасениями, которые преследуют меня, когда я думаю о том, с какими проблемами могут столкнуться наши отношения.

Прокручивая в голове всевозможные варианты нашего разговора, я скользила рассеянным взглядом по заваленному всевозможными бумагами и рецептами столу, пока мне на глаза не попался листочек в клетку, угол которого скромно выглядывал из-под кипы больничных листов. Я, не задумываясь, вытащила его и начала с интересом изучать. Чем дальше я вчитывалась в ровные мелкие буквы, тем мрачнее становился мой взгляд, а увидев легкомысленное сердечко на полях листка, в которое было заключено имя Лухана, я и вовсе подскочила как ужаленная.

Откуда, чёрт возьми, у Лу взялось доказательство того, что я давно и безнадежно его люблю?..

— Как давно ты знаешь? — накинулась на Лухана Дахи, когда мужчина вошёл в кабинет.

Как только Лухан увидел злосчастный листок, который много лет назад сам вырвал из конспектов Дахи, он сразу же выставил руки вперёд, желая успокоить девушку.

— Дахи, я всё объясню, — начал Лу, укоряя себя за то, что вообще вытащил этот листок из бумажника.

— Сначала ответь на вопрос, — она смотрела на мужчину с пугающим спокойствием.

— Узнал, когда ты уже встречалась с Чонином, — также спокойно ответил Лухан.

Дахи закрыла глаза, переваривая услышанное, и Лухан понял, что ей не к чему было придаться: он узнал о её чувствах, когда девушка охладела к нему. Нет ничего удивительного в том, что мужчина не стал поднимать эту тему, раз уж любовь Дахи закончилась. Это только создало бы между ними ненужную неловкость.

— Ладно, — она кивнула, успокаиваясь. — Но зачем ты его все эти годы хранил?

— Я любил тебя, а ты была с другим! — сказал Лухан и тут же пожалел об этом, но пути назад уже не было. Слишком долго он держал всё это в себе. Теперь мужчине просто необходимо было выговориться. — Я не стал лезть к тебе с этими чувствами. Дахи, это ничего бы не изменило! Ты никого не замечала, кроме своего ненаглядного Чонина, а Чондэ...

— Не вмешивай сюда Чондэ! — грозно проговорила Дахи. — Твоё признание многое изменило бы, но ты оказался настоящим трусом... Если бы у тебя хватило смелости, то жизнь сразу троих людей сложилась бы по-другому!

— Дахи, стой! Ты же ничего не знаешь! — Лухан схватил её за руку, он уже готов был рассказать об ультиматуме Чондэ.

— Правда? — Дахи высвободила руку и направилась к выходу. — Хватит с меня того, что уже узнала!

Как только девушка вышла из кабинета, Лухан позвонил Ким Чондэ и в общих чертах описал всё, что только что произошло:

— Она точно тебе позвонит, — говорил он. — Дахи ведь всем с тобой делится, так всегда было. Что ты ей скажешь?

— Правду, — выдохнул в трубку Чондэ.

— И про...

— Да, и про выбор, который заставил тебя сделать. Лу, я не хочу, чтобы она винила тебя во всех смертных грехах.

Ким Чондэ говорил что-то ещё, но Лухан его уже не слушал. Мужчину тошнило от Чондэ, от всей этой ситуации. Ну почему он когда-то выбрал друга, а не Дахи?

Выбрав любовь к девушке, которая, возможно, не ответит на его чувства взаимностью, он мог оказаться ни с чем, поэтому выбрал Чондэ. Тогда Лухану казалось, что он всё сделал правильно... как же он ошибался!

Глава 10.

— Чондэ, да возьми ты уже эту чёртову трубку, — процедила я сквозь стиснутые зубы и от злости приложила затылком о щит автобусной остановки, залепленный рекламными плакатами.

Люди, дожидаящиеся автобуса, наградили меня презрительными взглядами и снова уткнулись в свои мобильные телефоны.

Я уже одиннадцать раз позвонила Чондэ и отправила ему пять сообщений, в которых требовала, чтобы он немедленно перезвонил мне, если желает благополучно дожить до пенсии.

Мне просто необходимо было поделиться с кем-нибудь своими проблемами и переживаниями, высказаться и получить дружеский совет. Разумеется, среди всех моих знакомых для этой цели лучше всех подходил Ким Чондэ, но этот засранец уже полчаса болтал с кем-то по телефону.

Занято, занято, занято. В конце концов я решила поехать к нему домой, чтобы нормально поговорить. Я села в автобус и начала бездумно листать новости в Интернете, рискуя окончательно посадить зарядку мобильного.

Добравшись до квартиры друга, я со всей силы нажала на звонок и приготовилась ждать, но не прошло и минуты, как Чондэ открыл дверь, жестом приглашая войти. Мужчина пошёл в гостиную, продолжая переговариваться с кем-то по телефону, а я тихо закрыла дверь, разулась и направилась следом за ним.

Чондэ наспех попрощался с собеседником и устало опустился на диван, протирая глаза. Я села рядом и тут же обвила его шею руками, прижимаясь щекой к колючей шерсти свитера.

— Я тебе, наверное, тысячу раз позвонила и кучу сообщений накатала, а ты... С кем ты так долго разговаривал?

— С Лу, — коротко ответил Чондэ.

— Значит, ты уже в курсе? — недовольно поморщилась я.

— Да.

Я отстранилась от мужчины и заглянула ему в глаза, стараясь понять, что же он думает обо всей этой ситуации.

— Чондэ, нам надо поговорить...

— Ладно, — шумно вздохнул он, — давай поговорим. Только, Дахи, позволь мне начать и не перебивай меня, хорошо?

— Ну, хорошо, — растерянно протянула я, совершенно не понимая, чего ждать от друга.

— Знаю, ты с первого курса сохнешь по Лухану... Ничего не говори! — он предостерегающе посмотрел на меня. — Об этом весь курс знал, кроме самого Лу. Он немного тугодум в таких вещах, понимаешь? И сейчас он... Ладно, проехали. В общем, Лухан влюбился в тебя, когда мы учились на первом курсе, а Чонина тогда ещё даже на горизонте не было.

— Подожди, Лу сказал, что у него появились чувства ко мне лишь тогда, когда я начала встречаться с Кимом! — воскликнула я, забывая о своём обещании не перебивать.

— Он сказал так, чтобы защитить меня, — горько усмехнулся мужчина.

— Защитить тебя? — переспросила я.

— Да, — кивнул Чондэ. — Лухан обязательно признался бы тебе в любви и просто ошалел бы от счастья, узнав, что его чувства взаимны, но я...

Ким Чондэ поерзал на диване и, видимо, хотел встать, но отчего-то передумал и продолжил:

— Дахи, я убедил Лу, что ты к нему безразлична, а ещё поставил перед выбором. Либо ты, либо я.

Мне стоило огромных трудов спокойно сидеть на месте и слушать всё то, что говорил Чондэ.

— «Дружба со мной или шуры-муры с Дахи!» И он выбрал меня. Я причинил ему столько боли, а Лу до сих пор заступается за меня, хотя и знает, что ты будешь злиться на него, — в голосе мужчины было столько горечи, словно он копил её годами.

— Чондэ, ты... — слова давались мне нелегко, а грудную клетку словно сдавило огромным прессом. — Заставил его выбирать? Зачем?

— Просто я...

Мужчина посмотрел на меня полным боли и страдания взглядом, проводя большим пальцем по моей раскрытой ладони, лежащей на диване, которую я тут же раздражённо отёрнула.

— Чондэ, только не говори, что ты...

— Дахи, дай же мне сказать! — рассерженно зарычал мужчина.

Никогда я не видела его таким нервным, таким расстроенным и в то же время невероятно решительным.

Я догадывалась, что он собирается сказать, и эта догадка огромной занозой впилась в

моё сердце. Любовь! Неужели Чондэ натворил столько всего из-за любви ко мне?

— Пожалуйста, не говори ничего! — взмолилась я.

Пока это было лишь глупым домыслом. Между нами ещё можно было всё наладить, но как только эти слова сорвутся с его губ...

— Дахи... — теперь умолял Чондэ.

— Не надо! Прошу тебя! Ты всё испортишь! — мой голос стал озлобленным, не терпящим возражений. Это был голос Мегеры, командный тон, который знали все работники нашей больницы.

Если Ким Чондэ признается мне в любви, я потеряю его. Потеряю своего единственного друга. Поэтому я попыталась прикрыть рот мужчины ладонью, но тот лишь отмахнулся от меня.

— Я должен это сказать, понимаешь? — мужчина взвыл, словно от боли, терзавшей его годами.

— Нет, не должен! — я отчаянно замотала головой.

Что мне делать, если он исчезнет из моей жизни? В последнее время только Чондэ помогал мне держаться на плаву, постоянно поддерживал и не давал унывать. Как я буду без него? Почему он так хочет всё разрушить? Зачем убивает нашу дружбу?

— Я... — начал шёпотом Чондэ.

— Чондэ, — захныкала я, хватаясь пальцами за его колючий свитер, словно боялась упасть, — замолчи! Ещё не поздно...

— Я любил тебя тогда и до сих пор люблю! — он сказал это уверенно и твердо, во весь голос.

Эти слова были похожи на предательский выстрел в сердце. Без глушителя. Чондэ прекрасно знал, чего будет стоить для нас его признание, и всё равно не смог вовремя остановиться. Или просто не захотел. Грёбанный эгоист...

Он больше ничего не говорил, просто молча смотрел на меня, словно чего-то ждал. Словно только что дал выпить смертельный яд, а теперь наблюдает за тем, как на моём лице появляется первая гримаса боли.

— Скажи что-нибудь, — тихо проговорил он. — Кричи, бросайся вещами, ударь меня, в конце концов! Только не молчи, Дахи!

Мне хотелось сделать всё именно так, как говорил Чондэ, но вместо этого я поднялась с дивана и, не сказав ни слова, ушла. Села в чудом пойманное такси, назвала свой адрес и, как только машина тронулась, разревелась.

Я сидела на заднем сидении такси и кричала, как раненный зверь, захлёбываясь рыданиями. Словно кто-то мазнул острой бритвой по моим оголённым нервам. Невысказанные чувства, невыплаканные слёзы и море мыслей в разболевшейся голове.

Знала ли я о чувствах друга? Догадывалась ли, что он все эти годы любил меня? Я никогда не думала о Чондэ, как о мужчине, с которым можно строить отношения, и даже мысли не допускала, что между нами возможно что-то большее, чем дружба.

Воспоминания, словно ветки, хлестали по мокрым от слёз щекам. *Чондэ недовольно хмурится и отворачивается, когда я пытаюсь его поцеловать; подшучивает над моей симпатией к Лу и щурит глаза, когда я смеюсь над тупыми шутками Чонина; мужчина смотрит со мной фильмы ужасов, хотя сам до чёртиков пугается происходящего на экране; усталый Чондэ засыпает прямо во время нашего разговора по скайпу; признание в любви, которое он превратил в шутку...*

Я приехала к нему, чтобы поделиться своими переживаниями, домой же вернулась с полным ощущением того, что потеряла дорогого человека. Наспех умыв заплаканное лицо, я прямо в одежде улеглась на кровать, чтобы на утро проснуться в состоянии живого мертвеца.

Голова гудела, глаза не желали открываться, но работу никто не отменял. К счастью, работникам больницы не было до меня никакого дела, ведь главным объектом повышенного внимания и всех сплетен в одночасье стал Ким Минсок. Разговоры о моих многочисленных романах вдруг стали не актуальны и больше никого не интересовали. Теперь темой номер один являлась загадочная личность возлюбленной Минсока.

Было множество кандидатур на роль счастливой невесты гинеколога, но больше всего меня забавляла версия медсестры Кан. Женщина считала, что доктор Ким начал встречаться с анестезиологом Ким Чунмёном, с которым, по слухам, проводил практически всё свободное время.

Пару раз я видела Лухана. Мужчина вежливо кланялся и шёл по своим делам. Вот так. И ни слова о вчерашнем признании. Вероятно, он ждал, когда я сама об этом заговорю, но у меня не было желания поднимать эту тему. Честно говоря, я бы и вовсе предпочла не видеть Лухана. Хотя бы какое-то время.

Чондэ тоже не предпринимал никаких попыток со мной поговорить. Он не писал, не звонил, в гости не заглядывал. В общем, двое главных мужчин моей жизни решили меня избегать.

Зато Сехун не давал мне проходу: дарил какие-то подарки и постоянно донимал своими сообщениями. Видимо, интерн не поверил, когда я сказала, что не люблю его, и теперь пытается доказать что-то и мне, и себе. Сехун был довольно настойчив, но я точно знала, что он поумерит свой пыл, когда устанет раз за разом биться головой о моё безразличие.

С того злополучного вечера прошло две недели, и я поняла, что ни о чём не жалею. Да, Чондэ натворил много дел. Из-за него наши с Луханом дороги разошлись, и всё же... Я

встретила Чонина и была счастлива с ним, пускай и недолго. А Лу был счастлив со своей женой. Если подумать, то поступок Ким Чондэ сделал несчастным только его самого.

На почве острого чувства одиночества я сблизилась с медсестрой Кан. Мы пока что не касались личных тем, но с удивлением обнаружили много общих интересов. Она оказалась очень хорошей собеседницей и большой любительницей почитать, поэтому мы частенько обсуждали книги, которые целыми стопками тащила в больницу Ли Хеми.

Я потихоньку училась жить без Чондэ, хотя это было очень трудно, и начала ловить себя на мысли, что простила бы его, если бы только мужчина попросил прощения.

Я поняла, что зависима от него, что Ким Чондэ стал неотъемлемой частью меня. А он, кажется, на полном серьёзе решил исчезнуть из моей жизни. Даже сейчас он принял решение за меня!

Спустя полтора месяца мы встретились с Чондэ на вечеринке в честь дня рождения моей младшей сестры. В окружении друзей и коллег Дасом он вёл себя очень естественно, много улыбался и шутил. Мужчину постоянно окружали какие-то люди, поэтому я не решалась подойти к нему и заговорить.

Дасом развлекала гостей и много смеялась, пританцовывая с бокалом шампанского в руках. Я с удивлением отметила, что не было Лухана, и почему-то вспомнила свою свадьбу с Чонином. Лу тогда тоже не пришёл, а вот Чондэ был. Представляю, чего ему стоило прийти и поздравлять меня с тем, что выхожу за другого. Наверное, он мазохист.

— Повтори, — кокетливо попросила я у молодого парня, который намешивал мне алкогольные коктейли из всего, что находил на вечеринке. — Последний вообще огонь!

— Знал, что тебе понравится «Ледяной пик», — улыбнулся он.

Я усиленно закивала головой в знак согласия, наблюдая за тем, как он смешивает чай с водкой. Да, я уже была пьяна настолько, что вот-вот захрюкаю.

— Перестань меня позорить перед гостями! — Дасом схватила меня за локоть и рывком стянула со стула. — Что с тобой случилось? С Чондэ поссорилась, да?

Девчонка взяла меня за руку и уверенно повела прочь из гостиной, ворча, что не переживёт, если я начну прилюдно делать кому-то из её гостей приём Геймлиха.

— Не твоё дело, — огрызнулась я, послушно шагая за сестрой. — И, вообще, отстань от меня, ладно?

— Не отстану! — упрямо заявила Дасом, продолжая меня куда-то тащить. — О проблемах нужно говорить, Дахи, сами они не рассосутся.

— А если их обсудить, то они мигом испарятся? — съязвила я. — Я в курсе, в чём моя проблема, и не нужно делать вид, будто знаешь всё лучше меня. Никто, запомни, никто не знает о моих проблемах больше, чем я сама!

— Дура, я же помочь хочу! — обиделась сестра.

— Не помню, чтобы просила об этом. Я прихожу в себя, успокаиваюсь, и тут приходишь ты и начинаешь колупать мои болячки.

— Когда ты успела стать такой стервой? — спросила Дасом, запихивая меня в спальню.

— Может, я всегда была ею, — я показала сестре язык и плюхнулась на её кровать.

— Глупости! — возразила она, наблюдая за тем, как я медленно скатываюсь с края кровати и падаю на пол. — Вот протрезвеешь, тогда и поговорим!

— А почему Лухан не пришёл? — не вставая с пола, спросила я. — Ты его не приглашала?

Дасом замерла в дверях, и я уже думала, что она ответит мне что-нибудь в духе «Не твоё дело!», но сестра постаралась выдать из себя беззаботную улыбку и сказала:

— Я пригласила его, но он сказал, что не сможет прийти. Думаю, ты знаешь, почему он так сделал.

Ким Дасом вышла из комнаты и закрыла за собой дверь, прислоняясь к ней спиной. Она ждала, что сестра начнёт буянить и с криками барабанить в дверь, требуя, чтобы её выпустили, но из-за закрытой двери лишь доносилось приглушённое пение.

Они с Дахи не были примером идеальных сестринских отношений, но девушка всё же беспокоилась за старшую сестру. Дасом ни разу не видела Дахи такой пьяной. Даже на собственном выпускном та не позволила себе настолько напиться, чтобы валяться на полу и распевать песни Саймона Ди из Supreme Team.

Дасом понимала, что сестра страдает и пытается заглушить свою боль алкоголем. Многие так делают, но Дахи... она всегда выглядела сильной и негибаемой, поэтому видеть её в таком состоянии было невероятно тяжело.

Девушка огляделась и заметила Ким Чондэ, стоящего неподалёку и мило болтающего с её лучшей подругой.

— Чондэ, — позвала она мужчину, — можно тебя на минуточку?

— Да, конечно, — Чондэ что-то шепнул собеседнице и подошёл к Дасом. — Что-то случилось?

— Случилось! То есть, нет, — замялась именинница. — Надо поговорить, проходи.

Дасом открыла дверь в спальню, и Чондэ, пожав плечами, зашёл туда, с удивлением обнаружив на полу посапывающую Дахи.

— Вот алкашня, – закатила глаза Дасом. — А всего минуту назад песни горланила...
Короче, приводи эту идиотку в чувство и поговорите уже как взрослые люди!

Не успел Чондэ сделать ей замечание по поводу неуважительного отношения к старшей сестре, как Дасом выскочила из комнаты, захлопнула дверь и два раза повернула ключ в замке.

Глава 11.

Я проснулась от ужасной боли в животе. Словно вчера вместо закусок ела битое стекло. Попытка подтянуть колени к животу не увенчалась успехом, потому что я была укутана одеялом, сковывающим движения, и наверняка со стороны походила на гусеницу из «Алисы в Стране чудес».

— Доброе утро, госпожа Похмелье, — услышала я заспанный голос Ким Чондэ.

Он лежал рядом и сонными глазами наблюдал за моей вознёй. Волосы топорщились во все стороны, галстук съехал, на рубашке было какое-то странное пятно, и одна брючина задралась, оголяя волосатую мужскую ногу.

— Паршиво выглядишь, — только и смогла выдавить я.

— Ты тоже, — рассмеялся в ответ Чондэ, но его лицо мигом стало серьёзным, словно он мысленно отвесил себе подзатыльник за то, что смеет вот так запросто разговаривать со мной.

Я нахмурилась, в очередной раз убеждаясь, что Чондэ сильнее всех страдает изо всей этой ситуации. Его ошибка причинила боль в первую очередь ему самому. И я вдруг поняла, что готова простить мужчину, лишь бы снова услышать его искренний смех. Проблема была в том, что сам Ким Чондэ не сможет себя простить. Он слишком строг к себе.

— Что мы делаем, — я огляделась по сторонам, — в спальне моей сестры?

— Дасом нас здесь заперла, — чуть приподнимаясь на локтях, ответил мужчина.

— Ох и задам я этой мелкой засранке, когда она нас выпустит! — разозлилась я.

— Тебе не кажется, что уже слишком поздно воспитывать сестру?

Я проигнорировала его вопрос и принялась выволакивать себя из одеяльного плена. Когда мне это удалось, я вскочила с кровати и начала поправлять юбку и блузку. В комнате воцарилась практически идеальная тишина, нарушаемая лишь криками детишек, доносящихся с улицы. Мне казалось, в квартире, кроме нас, не было ни души. Музыка и гул разговоров стихли, давая понять, что вечеринка закончена, а шумные гости разошлись по домам.

Я смотрела на своё отражение в зеркале и водила по спутанным волосам расчёской сестры, стараясь хоть чем-то себя занять. Дасом, конечно, та ещё интриганка, но её поступок был для меня идеальной возможностью наладить отношения с Чондэ. Вот только я не знала, с чего начать наш разговор.

Иногда я думала, случись всё иначе, были бы мы вместе с Ким Чондэ? Если бы он, ещё будучи первокурсником, признался бы мне в любви, то что тогда? Если бы он добивался меня, сдалась бы я под этим напором или ещё сильнее замкнулась в себе? Скорее всего,

второе. Тогда мои мысли были о Лу и только о нём, и чувства Чондэ лишь обременили бы меня и назойливым грузом повисли на шее.

— Кое-кто объявил мне войну, когда я пытался переложить её с пола на кровать, — задумчиво протянул Ким Чондэ, нарушая затянувшееся молчание.

— Ничего себе! И кто бы это мог быть? — наигранно удивилась я, откладывая расчёску в сторону.

Честно говоря, мне не особо хотелось разговаривать о моих пьяных выходках, но я схватилась за эту тему, как утопающий за соломинку.

— Одна маленькая пьяная дебоширка, — улыбнулся мужчина. — Представляешь, она требовала, чтобы я немедленно положил её туда, где взял. На пол.

— А ты что? — поинтересовалась я, садясь на край кровати.

— Закатал буйную девчонку в одеяло! Было очень смешно наблюдать за тем, как этот живой хот-дог извергал проклятия и обещал меня убить.

Некоторое время мы с серьёзными лицами смотрели друг на друга, а потом дружно разразились смехом. И, если мужчина очень быстро успокоился, то я ещё долго не могла перестать глупо хихикать.

— Значит, ты простила меня? — осторожно спросил Чондэ. Его голос сквозил спокойствием, но я всё равно знала, что он безумно волнуется. — Мы снова можем быть друзьями?

Во мне неожиданно проснулось пакостное желание ещё немного помучить мужчину, притворившись, что всё ещё злюсь на него, но я не стала поддаваться ему.

— Простила, — выдохнула я, и тут же оказалась в тёплых объятиях Ким Чондэ.

Я чувствовала, что вот-вот разрыдаюсь от переполняющих меня чувств. Господи, как же я скучала по нему! Ещё несколько недель, и я бы не выдержала и сама бы побежала к нему мириться.

Чондэ взволнованно бормотал какие-то слова извинения, а я лишь молча гладила его по спине, думая о том, как мне не хватало его всё это время.

Наконец, мужчина отпустил меня и лёг на бок, трогательно сложив руки под голову. Мне оставалось только умиляться, глядя на него. Я испытывала примерно то же, что и при просмотре многочисленных фотографий котят в Интернете. Этот помятый костюм и мелкие морщинки вокруг глаз, которые появлялись каждый раз, когда он улыбался... Чэнь-Чэнь был таким родным.

Странное чувство начало царапать мою грудь изнутри, и я поняла, что люблю этого мужчину. Вот так просто, нелепо и с огромным опозданием на меня свалилось осознание

того, насколько глубоко эта любовь пустила корни. То семечко, которое Чондэ когда-то бросил на холодную, неплодородную почву моей души, проросло очень медленно, почти незаметно, и, в конце концов, выросло и дало плоды. Это было подобно чуду, словно маленькое деревце, пробившееся через асфальт.

Необыкновенная лёгкость на сердце и непонятно откуда взявшаяся радость подтолкнули меня подобраться к Чондэ поближе и поцеловать в губы. Простое касание и пугливый взгляд на ошарашенного мужчину.

— К чему это было? — с подозрением спросил он.

— Просто захотелось, — пожала плечами я, наклоняясь для второго поцелуя, но на этот раз Чондэ не позволил себя поцеловать.

— Дахи, — твёрдо сказал он, чуть отстраняясь, — ты же знаешь о моих чувствах, и твоя выходка... это просто жестоко.

— Ты очень красивый, — я протянула к нему руку, но смогла прикоснуться к нему лишь кончиками пальцев, потому что мужчина поймал меня за запястье.

— Ты всё ещё пьяная, да?

Этот вопрос застал меня врасплох. Пьяная? Он думает, что я пьяная, потому что сказала, что он красив? Но ведь Чондэ правда был очень красивый. Самый красивый. Не знаю, почему раньше этого не замечала.

Рассудительная Мегера куда-то исчезла, оставив вместо себя глупую влюблённую дурочку-подростка Ким Дахи. Было такое чувство, словно кто-то повернул вентиль и выпустил наружу все эмоции, которые так долго копились внутри. Мне нравилось утопать в нежности и посмеиваться над мужчиной, представляя его реакцию на то, что его чувства наконец-то достигли цели.

Раньше я не задумывалась, как приходит любовь, она просто была и всё. Я почему-то всегда пропускала этот чудесный момент осознания того, что человек мне безразличен, поэтому всё это было ново для меня и необычно. Приятно на время забыть о том, что любовь зачастую приносит с собой много боли.

— Дахи, не делай глупостей, — предостерег Ким Чондэ, когда я легла напротив него.

В голове словно били фейерверки, заглушая все посторонние мысли.

— Больше никаких глупостей, — шёпотом пообещала я, обнимая его одной рукой за шею.

Было трудно выдержать испытывающий взгляд мужчины, поэтому я закрыла глаза и снова потянулась за поцелуем. На этот раз Чондэ не стал уворачиваться, а сам подался навстречу и первым меня поцеловал. Он обнимал меня так, словно я была сделана из лёгкого пуха, и касался моих губ своими, *словно всегда об этом мечтал*. Я чувствовала себя любимой и желанной, чувствовала, что этот мужчина отчаянно нуждается во мне, как и я нуждалась в нём.

Я повернула голову на бок, позволяя ему целовать себя крепче. Прильнула к Чондэ практически вплотную и почувствовала, как напряжён каждый мускул его тела. Меня захватил ураган эмоций, но где-то на задворках сознания красным огоньком мигала мысль, что это неправильно.

Неправильно *так* целовать друга. Неправильно игнорировать Лухана и давать ему надежду, а потом в один момент загореться любовью к Чондэ. Во мне снова проснулась зануда, обожающая всё анализировать и усложнять.

Когда Дасом наконец-то вспомнила про нас и соизволила открыть дверь, перед ней предстала потрясающая картина. Её старшая сестра целовалась со своим лучшим другом! Воистину, я была мастером влипать в неловкие ситуации.

Ким Дасом некоторое время смотрела на Чондэ, который первый заметил мою сестру и мгновенно выпустил меня из объятий, а потом устало сказала:

— Чондэ, отвези Дахи домой. Вечеринка уже давно закончилась.

Я ждала, что сестра начнёт издеваться и сыпать своими дурацкими шуточками, но она лишь хитро подмигнула мне и скрылась в коридоре.

Всю дорогу до моего дома мы с Чондэ молчали. Я размышляла о том, что невозможно одновременно любить двоих людей. Любовь вообще не терпит половинчатости и недосказанности. Не так она устроена. Если кажется, что сердце разрывается на части, стремясь отправить одну посылку сразу двум адресатам, значит где-то произошёл сбой, ошибка. На небе не может быть два солнца, и у сердца не может быть несколько хозяев. А значит, кто-то из них самозванец. Но вот кто?.. Лухан? Чондэ?

Я была уверена лишь в том, что мне понравилось целовать Чондэ. И первое, что я сделала, когда машина остановилась, это отстегнула ремень безопасности и быстро поцеловала мужчину в подбородок.

— Обещай, что больше не будешь пропадать, — с надеждой попросила я. — И ещё... позвони мне, хорошо?

Ким Чондэ долго смотрел на меня тяжёлым взглядом, а потом коротко кивнул в знак согласия. Я с облегчением выдохнула и, чмокнув его в щёку, выпорхнула из машины.

То утро очень многое изменило в моей жизни. Моя голова была постоянно забита мыслями о Чондэ, и чем чаще я о нём думала, тем больше ощущала вину перед Лу. В конце концов, я поняла, что мои чувства к Лухану стали на восемьдесят процентов состоять из вины и где-то на двадцать из тёплых студенческих воспоминаний. В них совсем не было никаких надежд на будущее.

Мы с Чондэ виделись несколько раз в неделю, а созванивались и вовсе каждый день. Все наши встречи заканчивались волшебными долгими поцелуями. Наверное, мы вели себя как влюблённые подростки, зажимаясь возле моего подъезда, но нам было плевать на

мнение окружающих.

Я поняла, что именно этой лёгкости мне и не хватало в Лухане. Груз бытовых проблем слишком тяготил меня, поэтому в отношениях я искала отдушину, а не дополнительные проблемы на хрупкие женские плечи.

Но шло время, а дальше поцелуев у нас с Чондэ не заходило. Это уже было даже не смешно, потому как я чертовски хотела его. Он же всеми правдами и неправдами старался увильнуть от моих шаловливых ручонок, залезающих под его рубашку. Ещё он не спешил повторить заветное «я тебя люблю», и это тоже изрядно трепало мне нервы.

В конце концов, я позвала мужчину к себе в гости, и мы отлично провели время за просмотром фильма «Аджосси». Я надеялась, что этим вечером смогу получить и признание в любви, и самого Ким Чондэ, поэтому целовала его так страстно, как только могла.

— Подожди, Дахи, — решительно произнёс мужчина, когда мы были уже на моей кровати.

— Ну что ещё? — выдохнула я, еле находя в себе силы говорить.

Он вздохнул, обдумывая каждое слово, и ответил:

— Ты меня на самом деле любишь или только пытаешься воспользоваться мной, чтобы удовлетворить свой недотрах? — он скрестил руки на груди и отстранился.

Я ошарашено уставилась на него. К такому повороту меня жизнь не готовила! Что ещё за «воспользоваться мной»?

— Чондэ, хватит вести себя, как чёртова монашка! Иди уже сюда! — чуть привстав, я попыталась вернуть Чондэ на кровать, но мужчина отступил вглубь комнаты. Нет, он издевается что ли?

— Вот уж не думал, что ты окажешься такой темпераментной барышней, — дразнил меня Чэнь-Чэнь, вытирая тыльной стороной руки влажные губы. Точно издевается!

Я начинала закипать:

— Барышня здесь ты, а не я! Серьёзно, Чондэ, что на тебя нашло?

— Ответь на вопрос, и я покажу, кто из нас барышня! — прошептал мужчина, заставляя меня чуть ли не взвыть от желания опрокинуть его на эту чертову кровать и целовать-целовать-целовать.

— Ладно, — рявкнула я, нетерпеливо ёрзая.

— Что, ладно?

— Я люблю тебя, придурок! — выпалила я, думая о маленьких пуговицах на его серой рубашке, которые мне ещё предстояло расстегнуть. — А теперь, будь добр...

— Дахи, — засмеялся он, садясь напротив меня, — можно было сказать это как-то поромантичнее, что ли.

— Ах, вот как мы заговорили! — обиженно засопела я. — От тебя-то я этих слов точно не дождусь!

— Я люблю тебя, — тут же сказал Чондэ, глядя мне прямо в глаза.

— Знаешь, ты тоже мог сказать это как-то...

Чондэ не дал мне договорить, потянувшись за поцелуем, и я не могла ему отказать. Он посмеивался над тем, с какой маниакальной жадностью я трогала его и целовала, а я в отместку оставляла на его шее красные засосы. Мужчина терпеливо ждал, когда я закончу своё знакомство с его телом.

Я хотела разделить с ним всё — и плохое, и хорошее; хотела, чтобы он был в моём настоящем и будущем. Не нужны мне роковые мужчины вместе с их приторными улыбками и лживыми комплиментами... Мне нужен мой Чондэ.

От одной мысли о том, сколько времени мы потеряли, становилось невыносимо больно. Он очень долго ждал меня, а я была слепа и глуха к его чувствам, но теперь мы вместе. А прошлое в прошлом.

И всё же мне сложно. Сложно забыть Чонина и Лухана. Мой бывший муж и моя первая любовь... они навсегда останутся частью моих воспоминаний, и Чондэ постоянно повторял, что это правильно, что именно так и должно быть.

Я уже не подросток, и бросаться в новую любовь было страшно, но Чэнь-Чэнь мог одним поцелуем развеять все мои страхи. Его уверенность в том, что у нас всё получится, постепенно передалась и мне.

Чондэ пообещал, что сам поговорит с Луханом и расскажет о наших отношениях, но я не хотела трусливо прятаться за спиной любимого мужчины, поэтому тоже решила присутствовать при этом разговоре.

Было тяжело смотреть Лу в глаза, было больно разбивать ему сердце, но скрывать от него правду не имело смысла. Я чувствовала себя ужасно виноватой перед ним, словно нас связывала какая-то клятва, а я предала её. Только никакой клятвы не было, и ничто не мешало мне встречаться с тем, с кем захочу.

Ким Дасом же была очень рада тому, что мы с Чондэ вместе. Теперь никто и ничто не могло помешать моей сестрёнке-бульдозеру завоевать сердце Лухана, и я была на сто процентов уверена, что рано или поздно ей это обязательно удастся.

По крайней мере, мне бы очень этого хотелось, потому что Дасом именно тот человек, который может сделать его счастливым. Она поможет Лу забыть плохое, станет отличной матерью для его дочурки и будет прекрасной женой. А если Лухан продолжит игнорировать её чувства, в бой вступит наша мама, и тогда ему не останется ничего другого, кроме как ответить взаимностью на чувства Дасом. В конце концов, все мы достойны быть счастливыми, так ведь?

Ким Чондэ пробежался взглядом по золотым буквам, вытесненным на приглашении, и задумчиво посмотрел на Дахи:

— Боюсь, я не смогу пойти с тобой на свадьбу Минсока, у меня в этот день дежурство.

— Ну, Чондэ, — недовольно нахмурилась Дахи, закрывая крышку ноутбука, — ты же обещал, что поменяешься с Кёнсу... Кстати, я всё ещё злюсь, что ты переманил моего лучшего специалиста в свой дурацкий медцентр.

Мужчина закатил глаза и мученически протянул:

— Не переманивал я его! Просто предложил более интересную работу, — поправил он.

— И это не какой-нибудь «дурацкий медцентр», а Квимс! Ли Хеми, кстати, теперь тоже у нас работает. С понедельника приступает к своим обязанностям.

— Да знаю я, — отмахнулась Дахи. — Она за своим муженьком везде ходит. Он ушёл в Квимс, и она следом за ним, ничего удивительного!

— Настоящая жена декабриста! — рассмеялся Ким Чондэ, целуя любимую в ушко.

— Прекрати паясничать, — девушка старалась сделать серьёзное лицо, но у неё это плохо получалось. — Правда, поменяйся с Кёнсу. Жених-то не сильно расстроится, если ты не придёшь на свадьбу, а вот невеста...

— Невеста расстроится? Мы с ней разве знакомы? — он выпустил Дахи из объятий и взял в руки приглашение, вновь вчитываясь в имя невесты. — Кан Ёрим, Кан Ёрим... Что-то знакомое. Кан Ёрим... Подожди! Медсестра Кан?! Толстуха Кан — невеста Ким Минсока?

— Ким Чондэ, не называй мою подругу толстухой! И чему ты, собственно, удивляешься?

— фыркнула Дахи. — Они прекрасно подходят друг другу, очень красивая пара.

— Медсестра Кан и Минсок... Честно говоря, я вообще думал, что он по мальчикам.

Чондэ весь вечер расспрашивал у девушки все подробности романа медсестры Кан и доктора Кима, удивляясь тому, как двое столь разных людей могли полюбить друг друга. А Дахи посмеивалась над его удивлённым лицом и думала о том, что они с Чондэ тоже очень разные, но вместе уже около двух лет, а это кое-что, да значит.

Примечание к части

Ну вот и подошла к концу моя дебютная работа. Благодаря ей я встретила много замечательных людей, с которыми подружилась и теперь с удовольствием общаюсь. Конечно, хочется поблагодарить мою любимую бету, которая всегда помогала и поддерживала меня. Дорогая, я уже просто не представляю, как бы я прошла весь этот путь без тебя!

Так же не могу не упомянуть людей, чья мощная поддержка всегда согревала меня и не давала расслабиться. И это я говорю о моих замечательных читателях, которые комментировали, лайкали, да и просто молча читали. Я рада, что вам понравилась моя история, и мне бы хотелось, чтобы она как можно дольше оставалась в ваших сердцах. Особое спасибо автору заявки. Касси, если бы не твоя идея, я бы вряд ли пнула себя в сторону фанфикшена xD